

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВЫПУСКНИКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
ИЕРОМОНАХА (ВПОСЛЕДСТВИИ
ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ЕПИСКОПА)
ПАВЛА (ВОЛКОВА)

Когда в редакции «Богословского вестника» появился текст «Московская духовная академия с 1 сентября 1912 года по 15 августа 1917 года», подписанный в конце «Составил А. Волков 28 января 1950 года», то было сразу ясно, что это воспоминания отнюдь не внешнего свидетеля, а такого, который хорошо разбирался в происходивших событиях, сам принимал в них определенное участие и был достаточно зрел, чтобы дать им оценку спустя более чем 30 лет. Можно было предположить, что автор — единоверческий епископ Керженский Павел (Волков) и биографические сведения, собранные о нем, подтвердили это предположение.

Происхождение Александра Волкова священник Павел Флоренский записал в особой генеалогической схеме «Волковы (род ученика моего о. иеромонаха Павла (Александра Александровича Волкова)». Как характерную особенность устойчивости крестьянского сословия, утерянной ныне, отметим, что А. Волков знал своих прямых предков в четырех предыдущих поколениях. Сама генеалогическая схема включает также и множество боковых ветвей, которые мы здесь не воспроизводим.

Прапрадед — «Яков (жил в с. Кирчине — под властью помещика)».

Прадед — «Исай Яковлевич (выкупился за 700 р. ассигн., 300 р. сер. в 1860 г., за год до освобождения крестьян). Крестьянин и мясник. При нем дом был зажиточный и считался зажиточным. Дом и двор были громадные по селу, фундаментальной постройки.

Исай был делец, оборотливый. Женат был два раза. Был интересен личностью. В селе Ногавицыне Горбатовского уезда Нижегород. губ. был приезжий. А раньше жил в деревне Кирчине, а потом переехал в соседнюю деревню Вулково (м. б., отсюда и фамилия Волковы), а потом в Ногавицыно. Погорел и после того так и не поправился, хотя слыл богатым и деньги водились, но дом вновь выстроенный был уже не такой. Любил он, если уже строиться, — прочно и основательно».

Прабабка — «Матрона Давидовна Сергиантова, вдова».

Дед — «Иван Исаевич, в селе звался Исаев, а по паспорту Волков, крестьянин. †1913 или 1914 г., 73-х прибл<изительно> лет или поменьше. Был два раза женат. До 1860 г. жил в с. Кирчине, а потом в Ногавицыне».

Бабка — «Прасковья Семеновна Сметанина».

Отец — «Александр Иванович Волков, а по селу Исаев, женился 18-ти лет, на 19-м. Крестьянин, пахал, вообще крестьянин. Сперва крепостной, потом государственный, потом был учителем, сдал экзамен на земского учителя, приготовившись сам, открыл школу грамоты (по приговору крестьян), кот<орая> существовала 2 года, снял за 3 р. школу, сколотил парты из досков».

Семья А. И. Волкова состояла из супруги (имя неизвестно), сыновей (Александра, Николая, Виктора, м. б., были и другие), дочерей (сколько их было и имена — неизвестно).

Александр Волков родился 10 октября 1887 г., вероятно, в с. Ногавицыне. Как сам он вспоминал в письме к отцу Павлу Флоренскому, первые 16 лет он провел среди горной местности. Около 1903 г. семья переехала и поселилась близ Крестовоздвиженского Осиновского единоверческого женского монастыря Нижегородской епархии, в котором Александр Иванович Волков, принявший священный сан, служил священником.

Крестовоздвиженский Осиновский женский монастырь 3-го класса находился в 30 верстах от уездного города Семенова при деревне Журавлиной, близ р. Осинки. Монастырь возник из раскольничьего скита т. н. Спасова согласия, обращенного к единове-

рию в 1849 г. В 1856 г. был возведен на степень монастыря без содержания от казны. На 1908 г. в монастыре, возглавлявшемся игуменией, были 21 монахиня и 111 послушниц¹.

В юношеские годы А. А. Волков испытал отход от веры в Бога — «сомнения, мучительную борьбу, искания, увлечения». Преодолев это, он поступил в Нижегородскую духовную семинарию, которую окончил, судя по всему, весьма успешно.

В 1912 г. А. А. Волков поступил в МДА (LXXI курс 1912—1916 гг.). А на следующий год в МДА поступил брат его Николай, выпускник 1917 г.² И воспоминания, и письма свидетельствуют о том, что на Александра Волкова большое впечатление произвели лекции и сама личность священника Павла Флоренского. Отец Павел стал не только его научным, но и идейным, а в определенном смысле духовным руководителем. Весьма вероятно, что ректор владыка Феодор, зная о духовной близости учителя и ученика, именно поэтому дал Александру в монашеском постриге имя Павел.

Именно о нем писал отец Павел в работе «Имена»: «Припоминается, как на моих глазах один из моих друзей и учеников Александр Волков был пострижен с именем Павла. Он искал иночества убежденно и сознательно и самое пострижение пережил как некоторое мистическое посвящение и прерывное преобразование личности. Вскоре же после пострига можно было заметить, Павловство стало вкрапляться в новопостриженного и оттеснять в нем его Александровство, так что через некоторое время эта реакция замещения и оттеснения завершилась, и прививка имени Павел перекусила по новому Александра. Но наблюдение и впоследствии обнаруживало в нем двуслойность, и под окраскою Павлом мерцала глазу подгрунтовка Александром»³.

¹ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской Империи. М., 1908. С. 561—562.

² Тема кандидатского сочинения Н. Волкова: «Религиозно-нравственное и политическое состояние иудеев во времена Ездры и Неемии» (картотека С. А. Волкова — Архив МДА).

³ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 3 (2). М., 1999. С. 231.

В годы учебы в МДА монах Павел (Волков) был рукоположен в сан иеродиакона и иеромонаха. Кандидатское сочинение «Жития святых как основа для построения гносеологии» было написано иеромонахом Павлом под руководством священника Павла Флоренского в 1915—1916 уч. году. (Отметим, что этой теме отец Павел Флоренский придавал особое значение, т. к. выдвигал ее под сходными названиями и ранее — в 1912—13 и в 1914—15 уч. гг.) Иеромонах Павел (Волков) окончил МДА по первому разряду, заняв 11-е место в списке XXI курса. По представлению священника Павла Флоренского и предложению ректора епископа Феодора он был оставлен при МДА на одной (из двух) вакансий профессорских стипендиатов, предназначенных исключительно для замещения наиболее даровитыми, окончившими образование в Академии по первому разряду, монахами⁴. «По окончании отчетного года <иеромонах Павел был> обращен в ведение Центрального управления духовно-учебного ведомства»⁵. Перерывы в занятиях в МДА (лето 1916, лето и осень 1917, январь—март, лето 1918) иеромонах Павел проводил дома, помогая отцу в священнослужении и по хозяйству. Но он внимательно следил за тем, что происходило в МДА. Именно к этому времени (период разлуки) относятся письма иеромонаха Павла священнику Павлу Флоренскому. Эти письма позволяют нам стать как бы очевидцами внутренней академической жизни в ее главнейшем направлении: научное и духовное созревание выпускника Академии. Чрезвычайно ценны, на наш взгляд, и те штрихи, которые отражают взаимоотношения учителя и ученика: может, самое главное, что, к сожалению, отличает в худшую сторону Академию нынешнюю от старой.

Отец Павел предполагал, что иеромонах Павел будет преподавать в МДА агиологию, а когда преподавание в МДА стало проблематичным, он в письме епископу Феодору 22 сентября 1918 г.

⁴ Отчет о состоянии императорской МДА в 1915—1916 уч. году. Сергиев Посад, 1916. С. 17. См. также Журнал собраний Совета МДА за 1916 г. <Сергиев Посад. 1917> С. 65, 83—84, 99.

⁵ Картотека С. А. Волкова — архив МДА.

рекомендовал своего ученика для преподавания в т. н. «Даниловской академии»: «...Агиологию мне стыдно было отбивать у своего же ученика о. Павла, тем более, что он должен же проявлять себя в избранной им области». Всем этим планам не суждено было сбыться, и, вероятно в 1918—1922 гг., иеромонах Павел продолжал свое служение, помогая отцу.

Из письма священника Павла Флоренского иеромонаху Павлу Волкову 6 мая 1920 г., Сергиев Посад:

«Дорогой отец Павел! Случайно встретил на улице еп. Варнаву⁶ и узнал от него о Вас, о Ваших близких и Ваш адрес. Очень соскучился я по Вас, многое хотелось рассказать Вам, но на бумаге всего этого не передашь, а писать кое-что не хочется. Мы волей Божией, живы и даже здоровы, слава Богу, хотя, казалось бы, есть все основания не быть в таком состоянии. О. Александра⁷ и семьи его уже давно нет с нами: он уехал погостить в Рязанскую губернию, да так и застрял там. У него умерла младшая дочка, а все они переболели. Вообще все родные разбрелись и растерялись: одни на фронте, другие были в Закавказье и теперь неизвестно где: неизвестно даже, живы ли. Вам тоже не сладко приходилось; но хорошо, что Вы теперь в единоверческом приходе, где более крепости, чем в остальных. А ведь все в

⁶ Епископ Варнава (Беляев) (12.05.1887—6.05.1963) — выпускник МДА 1915 г., ученик священника Павла Флоренского, под руководством которого он написал кандидатское сочинение «Святой Варсонофий Великий. Его жизнь и учение» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 196. Ед. 4. 201 л.; рец.: Флоренский Павел, свящ. // БВ. 1916. № 3/4. С. 168—176; № 5. С. 177—189). Рукоположен во епископа Печерского, викария Нижегородской епархии 16 февраля 1920 г. С 1922 г. — на покое, в 1933—1936 годах находился в заключении. Впоследствии на епархиальное служение не вернулся. Жил под видом мирянина, юродивого. Духовный писатель. На его творчество («Основы искусства святости») оказал большое влияние священник Павел Флоренский.

⁷ Священник Александр Михайлович Гиацинтов (15.01.1885—15.06.1943) — родной брат Анны Михайловны Флоренской, супруги о. Павла. Служил в Троицкой церкви села Троицкое Сапожковского уезда Рязанской губернии, 25 августа 1910 г. венчал брак П. А. Флоренского и А. М. Гиацинтовой. В 1917 г. поступил в МДА и жил вместе со своей семьей в доме отца Павла в Сергиевом Посаде.

церковной жизни разлагается и быстро идет к падению, хотя наряду с этим есть и робкие молодые побеги. Помните ли наше с Вами предчувствие и предвидение церковной разрухи, всей системы условных ценностей, взаимно подлинных онтологических устоев духа?

Обо мне вам расскажет еп. Варнава. Служба моя трудна, и часто я совсем изнемогаю душою. Но да будет воля Божия!

Работаете ли Вы над «Словарем» или хотя бы над приведением в порядок того материала, который уже собран Вами? Было бы чрезвычайно важно, чтобы Вы обработали бы хотя бы один месяц; тогда дальнейшая работа пойдет гораздо сознательнее. А сделать соответственные вставки в карточный словарь, составленный для одного месяца, будет совсем нетрудно. В конце концов, опять скажу, что дело церковной разрухи происходит, прежде всего, от отсутствия церковного жизнепонимания и мировоззрения. Их нет, вот все и делается «как бы», а не «существенно», — а поэтому и рушится. Но, увы, этого все же, не смотря ни на что, не хотят понять ни иерархи, ни иереи, ни миряне, особенно «благочестивые миряне» (кроме отчасти М. А. Новоселова⁸) и цепляются за какие-то поправочки, украшеница, бантики и тряпочки, когда все ничего, или ссылаются, по интеллигентному обычаю, на кого-нибудь другого, кроме, конечно, самих себя. Изумительно, до чего русские люди не способны чему-нибудь научиться! А что думают среди старообрядческих кругов и им близких об Имени Божием? И никто, увы, никто, не видит, что небрежение Им послужило причиной всемирной войны и всего последующего».

30 (17) июля 1922 г. отец Павел Волков был хиротонисан во епископа Керженского (единоверческого), викария Нижегородской епархии⁹. 23 августа 1924 г. вышли Определение Святейшего

⁸ Новоселов Михаил Александрович (1864—1938), новомч. В 1902—1917 гг. — издатель «Религиозно-философской библиотеки», входил в близкий круг о. Павла Флоренского. По некоторым, не вполне достоверным сведениям, в 1923 г. тайно хиротонисан во епископа Сергиев-Посадского Марка.

⁹ Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви 1917—1997. М., 1997. С. 756.

Патриарха Тихона о пределах канонической юрисдикции епископа Керженского и Указ епископу Керженскому Павлу [Волкову] иметь духовное попечение и «управление единоверческими приходами, которые к нему обратятся»¹⁰.

Действительно, из писем епископа Павла видно, что деятельность его как единоверческого епископа происходила в частых поездках для окормления редких оторванных друг от друга единоверческих приходов. Даже когда отец Павел Флоренский находился в ссылке в Нижнем Новгороде и ожидал приезда к нему семьи, он писал 27 июля 1928 г. домой: «...Очень жаль, что в это время, вероятно, не будет о. Павла. Сегодня же напишу письмо его отцу, чтобы узнать, когда приедет о. Павел». О характере деятельности епископа Павла как единоверческого епископа может свидетельствовать уникальный документ, переданный отцу Павлу Флоренскому: «Отзыв и критические заметки <епископа Павла> на запись Кокуниным частной беседы, бывшей между епископом Павлом и поморцами 12 января 1926 г.» (27 июля 1926 г.; 1 марта 1928 г.).

В то же время епископ Павел в 1920-е гг. старался поддерживать связь с кругом идейных единомышленников священника Павла Флоренского, в частности с А. Ф. Лосевым.

Согласно справочным данным владыка Павел являлся епископом Керженским в период с 30 июля 1922 по 1929 г.¹¹ По данным РГИА с 17 сентября по 5 октября 1923 г. временно управлял Вологодской епархией¹², а с 5 по 19 октября 1923 г. был епископом Вологодским¹³, но назначение было отменено, и затем он вновь был епископом Керженским. В 1929 г. он снял сан и вручил свою панагию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, в дальнейшем

¹⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 327.

¹¹ Там же. С. 986.

¹² РГИА. Ф. 831. Оп 1. Д. 218. Л. 326.

¹³ РГИА. Ф. 831. Оп 1. Д. 218. Л. 155.

женился, состоял на хозяйственных должностях при Ярославском архиерейском доме¹⁴.

О дальнейшей судьбе епископа Павла в настоящее время известно только из кратких воспоминаний вдовы священника Павла Флоренского Анны Михайловны (†18 марта 1973): «Отец Павел Волков, сначала студент Академии, учился вместе с отцом Константином Ружицким (позже ректором Академии)¹⁵, закончил учебу в 1916 году, принял монашество, бывал в семье П. А. Флоренского, очень любил возиться с детьми, так как был старший в семье и помогал матери. Уехал из Посада, стал единоверческим епископом. Отец Павел подарил ему тогда дарохранильницу. В 1930-е годы был в заключении в лагере. После ссылки женился, говорил, что ушел из духовного звания, чтобы сохранить веру — боялся, что не выдержит в ссылке. Обращался к Патриарху Алексию после 1945 года с просьбой вернуть ему сан — он был вдовец. Патриарх сказал, что у него есть сын и прежде его надо поставить на ноги, а потом говорить о возвращении. Ослеп»¹⁶. В картотеке С. А. Волкова содержатся данные, которые, вероятно, все относятся к периоду жизни епископа Павла после выхода из лагеря: «После революции работал в средних школах гор. Горького. Заведующий в Ярославле епархиальной свечной лавкой. 24 июня 1952 <г.> был у меня насчет «Богословского вестника» (отказано)¹⁷. Дата кончины в настоящее время нам неизвестна.

С точки зрения фактической «Воспоминания» А. А. Волкова, завершенные им 28 января 1950 г., представляют собой весьма

¹⁴ История иерархии Русской Православной Церкви. М.: Изд. ПСТГУ, 2006. С. 210, 109—110, 753.

¹⁵ Ружицкий Константин Иванович (1888—1964), протоиерей, ректор МДА (1951—1964), часто ошибочно указывается, что он учился в Киевской духовной академии.

¹⁶ Записано 6 октября 1969 г. П. В. Флоренским.

¹⁷ Картотека С. А. Волкова — архив МДА.

достоверный источник, подтверждаемый свидетельствами других очевидцев, некоторые из этих свидетельств приведены в примечаниях. Оценка «Воспоминаний» с точки зрения идейной, конечно, будет зависеть от того, какой из сторон в академическом противостоянии¹⁸ близок сам исследователь.

Независимо от этого следует указать, что суждения А. А. Волкова о творческом наследии ряда профессоров не всегда объективны, подчас излишне резки. Несомненно, что конспект лекций по патрологии И. В. Попова как учебное пособие и ныне является одним из лучших по четкости изложения и ясности стиля, а его патрологическое наследие (далеко не столь скудное, как об этом пишет А. А. Волков) востребовано и через 100 лет. Экклезиологические воззрения архимандрита Илариона (Троицкого) являются достаточно спорными, однако его антикатолический пафос, конечно, не делает его протестантом. Это лишь некоторые примеры.

Читатель должен понимать, что те «картинки из жизни», характеристики, которые дает А. А. Волков, вовсе не являются итогом жизни того или иного лица. Это еще «сырой материал», не испытанный тяготами жизни и огнем мучений. Это еще человек в боре с страстями и немощей. И поскольку «Воспоминания» — это не «Житие», исключать подобный материал значило бы обесценить сами «Воспоминания» и одновременно высказать недоверие благодати Божией, исцеляющей грехи и восполняющей немощи человеческие.

После «Воспоминаний» публикуются 10 писем иеромонаха (впоследствии единоверческого епископа) Павла Волкова, адресованные свящ. Павлу Флоренскому. В следующем номере «Богословского вестника» планируется поместить последнюю часть собранного автобиографического «досье» — заметки еп. Павла (Волкова) о своей беседе со старообрядцами поморского согласия, в которых содержится ценный материал по идейной истории старообрядчества, а также приводятся дополнительные автобиографические данные.

¹⁸ Между ректором епископом Феодором и священником Павлом Флоренским, с одной стороны, и М. М. Тареевым, с другой.

I. МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
С 1 СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА ПО 15 АВГУСТА 1917 ГОДА

[1.] Ректор Архиепископ Феодор и его ближайшее окружение

Ректор Академии — епископ Феодор Поздеевский.

Выше среднего роста, брюнет, в очках. Издали производил впечатление сурового аскета, замкнутого в себе. При ближайшем знакомстве с ним, в кругу наиболее близких к нему лиц, это впечатление суровости исчезало; исчезала самая эта аскетическая оболочка. Владыка Феодор становился милым, ласковым, разговорчивым, шутливым. Он смеялся громко, но не раскатисто, а как-то несколько с визгом. Во время смеха лицо его делалось непривлекательным. Возможно, он об этом знал и во время смеха старался держать лицо свое в сторону и подавлять смех. Но при всей этой его доступности, веселости, разговорчивости, смехе всегда было такое чувство, что вот-вот этот милый человек вдруг, сейчас исчезнет и перед нами явится замкнутая суровая аскетическая фигура.

Большинство видело епископа Феодора именно в этой форме суровой аскезы. Отсюда и взгляд на него, как на аскета.

После этого замечания общего характера перейду к более детальному и систематическому описанию его жизни в Академии.

Владыка Феодор жил замкнуто. Без дела, запросто, к нему нельзя было пойти, и никто не осмеливался пойти. В мое время запросто к нему ходил только один человек, студент иеромонах Герасим Садковский¹⁹ и, по словам последнего, даже обедал у владыки, но об этом подробнее потом.

В неприемные часы даже приезжие издалека к нему не попадали. Его келейник Федор, высокий, сухой, худощавый человек, был неумолим. Что делал у себя в келье владыка Феодор, чем занимался и чем заполнял свободное время, это оставалось тайной. Но, несомненно, он был человек строго установленного порядка жизни.

¹⁹ Герасим (Георгий Сергеевич Садковский), иеромонах, 3-й магистрант LXIX курса (1910—1914).

ни. Он вставал утром в одно время и ложился спать в одно время. Перед обедом он делал часовую прогулку в академическом саду по аллее густо разросшихся акаций, которая начиналась у подъезда в его покои и кончалась у калитки при входе в сад напротив подъезда.

Он шагал порывисто, непрерывно, слегка, время от времени, подергивая плечами, что обнаруживало в нем нервного человека. Все, что выходило за границы распорядка его дня, а так же строя его мысли, раздражало его.

По общему мнению владыка Феодор был аскет или, по крайней мере, производил впечатление аскета. Тем не менее мы ничего не знаем об его каких-либо аскетических подвигах. Мироззрение его несомненно было аскетическое и не случайно, конечно, то, что он читал лекции по аскетике. То и другое свидетельствует, что в основе его теоретических интересов к аскетике несомненно лежали неизвестные нам аскетические дела.

Указать что-либо оригинальное в мироззрении владыки Феодора я затрудняюсь. Но он точно выполнял ту задачу, которая была возложена на него при назначении его ректором Московской академии.

По его же собственным словам, он был ошеломлен, когда узнал о назначении его ректором Академии. Перед этим он был ректором Духовной семинарии в Москве. Своим назначением в ректора Академии он, по его же словам, был обязан митрополиту Владимиру. Вот чем, между прочим, объясняется то особенное внимание, какое питал в себе и оказывал владыка Феодор митрополиту Владимиру. По инициативе епископа Феодора была присуждена митрополиту Владимиру ученая степень (магистра или доктора — не помню)²⁰.

Широкие академические круги были настроены отрицательно к этому факту, особенно оппозиционно настроенные профессора.

Я упомянул выше о задаче, возложенной на епископа Феодора

²⁰ Митрополиту Владимиру (Богоявленскому) 24 апреля 1915 года за совокупность трудов была присуждена Московской духовной академией степень доктора богословия. В то время он был митрополитом Петербургским.

как на ректора Академии. Какова же эта задача? Она состояла в том, чтобы искоренить те плевелы на академическом поле, какие посеял его предшественник епископ Евдоким²¹.

Епископ Евдоким — это человек жеста, позы и красивой фразы, без признаков аскетизма. Как передавали, в его покоях чуть не ежедневно были собрания, где спорили, шумели без конца. Эти споры, шумы ректор Академии епископ Евдоким не мог направить в определенное русло. Они в лучшем случае могли остаться только спорами и шумами, а в худшем могли вылиться, да кажется и начали выливаться, в нежелательные формы, по характеру своему не согласные с духом Православия.

Вывести из Академии этот протестантский дух и насадить в ней истинное Православие и выпало на долю епископа Феодора. Для выполнения этой задачи наметил его митрополит Владимир. Эту задачу епископ Феодор и проводил в своей деятельности как ректор Академии.

Искоренение «евдокимовщины» началось с мелочей. Вот что рассказал мне близкий к Феодору человек, иеромонах Герасим Садковский: вот сегодня, скажем, приехал в Академию епископ Феодор. На другой день в его покои рано утром явились влиятельные дамы Сергиева Посада с подарками. (При Евдокиме они в жизни ректора и даже Академии играли значительную роль.) Было принесено множество банок <...>²².

Два учебных года я учился в Академии, будучи светским. На втором курсе я был некоторое время иподиаконом и имел возможность близко наблюдать совершение богослужения владыкой Феодором как в академическом храме, так и в храмах, куда он был приглашаем. Кроме академического храма я помню его служения: в Лавре, в Вифании, в Зосимовой пустыни, в Струнине, в Москве, в Рублеве.

²¹ Евдоким (Василий Иванович Мещерский; 1869—1935), архиепископ, 5-й магистрант XLIX курса (1890—1894), пострижен по окончании МДА. С 9 декабря 1903 г. по 1 августа 1909 г. ректор МДА. В 1922 ушел в обновленческий раскол, умер, не воссоединившись с Церковью.

²² В рукописи повествование автора остается незавершенным.

Во время совершения богослужения владыка Феодор был очень сосредоточен и внешне и внутренне. Этой своей сосредоточенностью он невольно дисциплинировал всех сослужащих с ним и даже всех молящихся.

В академическом храме он редко произносил проповеди. Обычно он выступал с проповедью после молебна перед началом учебного года. В остальное время года я не помню, чтобы он когда-либо выступал с проповедью. По установившемуся порядку после причастного стиха проповедь говорил или кто-либо из студентов, или из профессоров.

Но за богослужением в храмах по приглашению владыка Феодор всегда говорил проповедь. Проповедь его носила всегда характер того предмета, который он преподавал в Академии, т. е. аскетический. По своему содержанию она не отличалась чем-либо оригинальным и как мало связанная с жизнью была односторонняя. Но впечатление он всегда производил сильное. Слово его было искреннее, как связанное о его личной жизнью. Отсюда и впечатление.

Голосом он обладал не столь сильным, но и не тихим, с довольно сильным костромским акцентом.

Кстати, здесь скажу о владыке Феодоре как преподавателе аскетике. Как и в проповеди, так и в лекциях по аскетике у него не было чего-либо самобытного и оригинального. Но лекция, составленная по Феофану и на основании других аскетов, очевидно переживалась им самым глубоко и потому производила впечатление, и притом впечатление не конкретного знания науки аскетике, а впечатление устремления к аскетической жизни. На лекциях владыки Феодора я был не более трех раз, вообще же лекции его посещались студентами одними из-за интереса, другими по долгу.

Скажу, кстати, о составе служащих с владыкой Феодором в академическом храме. Всегда сослужили ему: ректор Вифанской духовной семинарии архимандрит Герман Ряшенцев²³, инспектор

²³ Герман (Николай Степанович Ряшенцев; 1884—1937), епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Ближайший друг по духовной ака-

архимандрит Иларион²⁴, пом. инспектора Академии иеромонах Николай (ныне, кажется, Могилевский)²⁵, иеромонах Варфоломей Ремов²⁶, профессора Академии в иерейском сане и студенты в том же сане.

Часто были ставленники в иерейский сан с миссионерских пастырских курсов — «Восторговских». К этим ставленникам владыка Феодор относился недоброжелательно, но рукополагать было надо, и рукополагал.

Все сослужащие с владыкой Феодором шли после литургии в его покои. Здесь предлагался скромный чай с вареньем, с конфетами, с печеньем, с булками. Разговоры за этим чаем были самые разнообразные, начиная с обсуждения текущих новостей церковных и кончая научными богословскими вопросами. В этих разговорах, или вернее душой этих разговоров был архимандрит Иларион — словоохотливый, всегда находчивый и сведущий.

демии архиепископа Феодора (Поздеевского). После 1917 г. они составили вместе акафист благоверному князю Даниилу. С 22 июня 1912 по 1917 г. — ректор Вифанской семинарии в сане архимандрита.

²⁴ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий; 1886—1929), архиепископ Верецкий, свщмч. 1-й магистрант LXV курса (1906—1910 гг.), оставлен профессорским стипендиантом. Экстраординарный профессор (1913) по первой кафедре Священного Писания Нового Завета (1911—1921). Летом 1917 г. исполнял обязанности ректора МДА. В 1917—1918 гг. член Священного Собора Российской Православной Церкви. Несколько раз арестовывался. Умер в тюремной больнице в Ленинграде, заразившись тифом.

²⁵ Николай (Феодосий Никифорович Могилевский; 1877—1955), митрополит Алма-Атинский и Казахстанский. 31-й магистрант LXVI курс (1907—1911). С 1911 по 1912 г. помощник инспектора Московской духовной академии. Далее был инспектором Полтавской и Черниговской семинарий. 26 октября 1919 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. С 5 июня 1945 г. назначен архиепископом Алма-Атинским. Могилевским епископом никогда не был, но носил фамилию «Могилевский».

²⁶ Варфоломей (Николай Федорович Ремов; 1888—1935), архиепископ. 1-й магистрант LXVII курса (1908—1912), в 1912 г. рукоположен во иеромонаха. С сентября 1912 г. доцент кафедры Ветхого Завета, с 1916 г. экстраординарный профессор. В 1921 г. настоятель Высоко-Петровского монастыря в Москве, хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. С 1934 г. архиепископ, расстрелян.

Ректор Семинарии архимандрит Герман Ряшенцев никогда в диспуты не вступал, но время от времени делал свои или саркастически едкие, или насмешливые замечания. Он был грубоват в обращении с нами, студентами, и угловат в суждении. Это был несимпатичный человек — монах, считавший себя очень умным. Тем не менее он был близкий человек к епископу Феодору. Такое впечатление от Германа было не у меня одного, а у многих студентов. Его недолюбливали все.

[2.] Инспекторы архимандрит Анатолий (Грицюк) и архимандрит Иларион (Троицкий)

Архимандрит Иларион, инспектор ... Но в первый год моего студенчества в Академии инспектором был архимандрит Анатолий Грицюк. По впечатлению на студентов он был прямой противоположностью Герману. Архимандрит Анатолий был симпатичнейший человек, смиреннейший монах, вместе с тем весь погруженный в науку. По простоте и ласковости в обращении в то довольно-таки официальное время я никого не встречал (равного ему) из ученых монахов. Ни от кого я не слышал какого-либо нерасположения к нему, тем более какой-либо критики. В нем было что-то детское — наивное и вместе с тем умное — твердое — взрослое.

Единственными его недостатками были: малый рост и недостаток в речи. Он запинаясь и несколько заикаясь в процессе речи и проглатывая несколько слов фраз, так что, например, в возгласе за богослужением вняты были только начало его и конец. Чувствовалось, что он болезненно переносит этот свой недостаток в речи; также болезненно переносили его недостаток и мы все, знавшие его как прекраснейшего человека. От этого его недостатка речи много теряла его проповедь, его лекция, совершаемое им богослужение. Очевидно, эти два недостатка даны ему были для смирения, т. е. для утверждения в нравственном совершенстве.

Сей муж из инспекторов Московской академии был назначен ректором Казанской академии. Достоин и праведно! А при мне он был год в Московской академии и едва ли не всего год, но в такой

короткий срок он успел расположить к себе все студенчество и как инспектор, и как преподаватель, и как инок, и как человек. Все его жалели, когда он уезжал от нас.

Инспектор Академии архимандрит Иларион был назначен на место Анатолия. До пострижения в монашество — это был просто Володя Троицкий, профессор по 2-й кафедре Нового Завета, довольно элегантный, в пенсне с золотой цепочкой и в черном фраке, симпатичный молодой человек с несколько подстриженной бородкой. Через пострижение в монашество Володя Троицкий из элегантного превратился в грубоватого, немного резкого, скоро утучневшего человека в очках и в рясе, несколько скрывавшей его полноту. Но он остался также прост и доступен, каким был и раньше.

И по своей солидной и здоровой наружности и по внутренним, умственным качествам он таил в себе великие возможности, глубокие потенции. Но, к сожалению, как и все из нас, постригшихся в монашество в Академии, был предоставлен самому себе и благодаря этому больше разменивался на мелочи, чем выявлял глубину своих потенций. После защиты магистерской диссертации Иларион был полон благих намерений в отношении разработки вопроса о Церкви, основного вопроса христианства. Главный рецензент его диссертации о Церкви (точное заглавие не помню) Митрофан Дмитриевич Муретов²⁷ дал конкретные указания переработать некоторые места книги, которая к диспуту была отпечатана. Но благие намерения мало реализовались. Диссертация не была переработана. Вышла его брошюра «Христианства нет без Церкви»; напечатаны некоторые вступительные лекции его, произнесенные им перед началом учебного года. Вот и все, что вышло за 5 лет моей академической жизни от этого больших потенций человека.

Знаток Священного Писания по Новому Завету, основательно знавший святоотеческую литературу особенно по вопросу о Церкви,

²⁷ Муретов Митрофан Дмитриевич (1851—1917), заслуженный профессор, доктор богословия (1893). 1-й магистрант Богословского отделения XXXII курса (1873—1877). С 1878 г. преподавал в МДА на кафедре Священного Писания Нового Завета.

находчивый и блестящий оратор со звучным голосом, архимандрит Иларион разменивался на мелочи. Он, кроме того, увлекся публицистикой и на нее сменял научную работу. Публицистика сквозила в последнее время даже в его лекциях. В основе всего этого лежало то, что он был предоставлен самому себе. Пока был жив М. Д. Муретов, Иларион следовал или старался следовать его принципам научной работы, а после его смерти не стало и этого последнего сдерживающего начала.

Получилось так, что Иларион, предоставленный самому себе, не имел времени для научных работ. По природе общительный, очень гостеприимный и доступный, он всегда был окружен теми или другими людьми: то профессорами, то студентами, то приезжими людьми. Завсегдатаем у него был иеромонах Варфоломей Ремов, который у него обедал, пил чай и ужинал, и который имел свою особую комнату. Тем не менее все время проводил у Илариона. Для избавления от него были приняты и косвенные и прямые меры, но ничто не помогло. Варфоломей как был завсегдатаем, так им и остался.

Нелишне упомянуть о келейнике Илариона — Ваське. Его так называли все, и другого имени ему не было. Обычно так зовут котов. Он происходил из того же села, что и Иларион, как будто в детстве они вместе играли и чуть ли не был каким-то родственником ему. Это был тоже человек больших потенций, но дурных. Он был удален. При виде Васьки у меня всегда почему-то возникал образ одного из героев Достоевского — Смердякова. Что-то между ними поразительно сходное было.

За Иларионом очень ухаживала одна дама — вдова из Сергиева Посада. Что-то она подарила Илариону и он принял подарок, но сказал об этом владыке Феодору. Последний сделал замечание: «Как бы чего не было!» Иларион ответил: «Ничего!» С кем-то он был у этой дамы в гостях. Говорили, что у нее было много ценностей. Был также слух, что владыка Феодор будто бы высказался против таких посещений. Насколько мне известно, таких посещений со стороны Илариона больше не было.

Два раза прошел какой-то глухой слух о двух вечеринках в Посаде у кого-то и когда-то, на которых был Иларион. Вечерники сопровождались обильными возлияниями в честь Бахуса, но все это прошло, повторяю, как-то глухо, без подробностей. И тут, вероятно, было вмешательство епископа Феодора. После этих двух вечеринок повторения их с участием Илариона — не было в Посаде.

Иларион был человек огромного запаса энергии. При умелом руководстве она могла бы двигать горами. Но предоставленный самому себе, он тратил ее на обыденщину, на мелочи. Вот яркий характерный пример: как-то я прогуливался по диагонали академического сада; встречается Иларион; пошли вместе, о чем-то заговорили. Не помню разговора, но буквально помню его фразу, сказанную им в связи с возникшим разговором: «А знаешь, я вчера сажень березовых дров переколол; нельзя без физического упражнения». Вот куда, между прочим, уходила энергия богатого ею Илариона. А главное — около него всегда были люди, которые отвлекали его от научной работы и на разговоры, с которыми тратилась его энергия.

О Илариионе я буду еще касаться в дальнейшем.

[3.] Собрания профессоров у ректора

Время ректорства Евдокима имело свои положительные стороны. Это было время кипучее, время споров, время обсуждения разных вопросов: и науки, и жизни. Не было лишь авторитетного руководящего центра, который бы умело направлял этот бурный поток в определенное русло, который бы искусно выделял плевелы и пшеницу. Во всяком случае среди студенчества жива была добрая память вот об этих горячих спорах на собраниях, о свободном и непридуманном обращении с начальством. Очевидно, значение такого рода собраний понимал и владыка Феодор. Было два собрания в его покоях желающих участвовать в обсуждении вопросов современности. Но студентов пришло не так много. На первом собрании

выступил Иларион с лекцией на тему: «Публика и народ». Я сейчас не помню содержания его лекции, но помню, что она была сказана хлестко и было, о чем бы следовало поговорить, но выступлений было мало.

При этом ректоре, очевидно, не чувствовалось так непринужденно и свободно, как это было до него.

Следующее собрание было с участием профессоров. Последние были приглашены должно быть, с той целью, чтобы оживить собрание и возбудить к ним интерес со стороны студенчества. Обсуждался вопрос о науке и ее значении для жизни. Не помню, кто делал доклад на эту тему. Не помню обсуждений этого доклада, но очень хорошо помню, как в конце уже собрания владыка Феодор обратился к профессору по истории философии священнику о. Павлу Флоренскому с вопросом: «Скажите, о. Павел, Вы, как муж науки, свое мнение по обсуждаемому здесь вопросу: что такое наука?» О. Павел, сидевший скромно на стуле, опустив глаза долу, не поднимая глаз и не меняя позы, ответил буквально так, помедлив две, три секунды: «Преп. Серафим перекладывал дрова с места на место. То же самое и наука». Все ожидали от него, как действительно ученого мужа, ответа обширного и оригинального, но, услышав такой краткий, хотя и оригинальный, ответ, остались в недоумении. Этим, собственно, и закончилось обсуждение вопроса о значении науки для жизни. Больше собраний подобного рода в покоях ректора не было.

Из того обстоятельства, что я ничего не помню по существу этих двух собраний, кроме вышеприведенного эпизода с о. Павлом Флоренским, вытекает, что собрания были неинтересны, неоригинальны. Они были плохо организованы и вяло проведены. Сам ректор Феодор не выступал и других как следует не подготовил к выступлениям. После этих двух собраний академическая жизнь потекла своим обычным формальным путем. Некоторое время в помещении инспектора Академии архим. Илариона в какие то дни недели устраивались собрания монашествующих. Я был только на одном таком собрании и решительно не помню, что обсуждалось

на нем. Но и эти собрания у инспектора Академии были недолго и скоро сами собой прекратились. Ректор академии на них не присутствовал.

По моему мнению, эти собрания не посещались по той же самой причине, по какой не посещались большинством студентов в мое время лекции профессоров, т. е. по отсутствию у них связи с жизнью. Большинство студентов занимались или семестровыми или кандидатскими сочинениями. Каждый выбирал для себя интересующую его тему и, естественно, в этой работе главным образом находил цель своего учения, смысл своей студенческой жизни.

Это было неправильно, но это было так. Не только монахи, но и все студенты в смысле научных занятий были предоставлены самим себе. К стыду своему я должен сознаться, что лекции большинства профессоров я не посещал. Обязательно посещались вступительные лекции и когда приходилось дежурство. Лекции профессоров записывались дежурным по аудитории. Когда приходилось дежурство, то, естественно, приходилось идти и на соответствующую лекцию. Записи дежурными лекций профессоров просматривались ректором Академии,

Так кончилась неудачно попытка епископа Феодора оживить студенческую жизнь Академии. Причина была, конечно, в ее ректоре, а ректор был слишком самозамкнут, самообособлен, индивидуален и эту печать наложил на всю жизнь Академии. Скажу про себя: я не знал, о чем говорить с владыкой Феодором при встрече с ним. То же самое испытывали и студенты как и из монашествующих, так особенно и из светских. По моему впечатлению, и он испытывал такое же ощущение при встречах с большинством студентов. Поэтому он прогуливался в саду, когда в нем никого не было, т. е. перед обедом и вечером перед ужином. Какая-то чувствовалась натянутость при встрече с ним, и нельзя было ее уничтожить в течение пяти лет моего пребывания в Академии.

[4.] Владыка Феодор и студенты

Он был слишком индивидуален и близко к себе никого из студентов не подпускал за весьма малым исключением. Такими исключениями были упомянутый выше Герасим Садковский и Матфей Олейник²⁸. Герасим был старше меня по учению на два курса, а Матфей был однокурсник. Близость этих двух лиц к епископу Феодору была результатом не каких-либо особых достоинств этих лиц, напротив, она вытекала из побуждений не совсем чистых. О Герасиме говорили, что он передавал ректору сведения о жизни студентов. Он время от времени бывал в комнатах студентов. Я это хорошо помню. Расспрашивал о жизни, о взглядах на тот или другой вопрос. И делал он это искусно; нельзя было подумать, что все эти сведения нужны не ему, а другому. В общем же — это был человек безобидный, с каким-то детски-наивным выражением лица. Я его ни разу не видел мрачным, и трудно было представить его таким.

Отец иеромонах <Матфей> Олейник — прямая противоположность Герасиму. С темным цветом лица, низкого роста, с неприятными бегающими и никогда прямо не смотрящими глазами. Матфей всегда был чем-то озабочен и редко он был веселым, радостным. Он больше казался веселым, чем был им на самом деле. Я с Матфеем жил в одной комнате один учебный год. Комната помещалась внизу, у подъезда в покои ректора. Мне был неприятен этот сожитель; предполагалось, что я один буду занимать эту комнату, но пришлось смириться. Этот Матфей как-то незаметно для меня сошелся с владыкой Феодором. Выходя в сад на прогулку, владыка Феодор очень часто заходил к нам. Побыв у нас и поговорив с нами, он отправлялся в сад. Потом он как-то повел Матфея гулять с собой. И с этого раза владыка Феодор уже не оставался в нашей комнате, а заходя или даже отворив дверь, говорил: «Матфей, пойдем!» Матфей одевался и выходил. О чем были у них

²⁸ Матфей (Олейников), иеромонах, магистр LXXI курса (1912—1916), впоследствии расстрелян в Астрахани.

разговоры, я никогда не допытывался у Матфея, и он мне ничего никогда не говорил.

Но характер этих разговоров обнаружился сам собой и весьма неожиданным образом. Не помню, по какому поводу студенты решили объявить голодовку, т. е. не ходить в столовую для обеда. Монашествующие были освобождены от этого. Об этом решении студентов узнал Феодор и каким-то способом — сейчас не помню — голодовка была сорвана. Ко мне студенты, особенно некоторые, относились очень хорошо. С некоторыми я был даже очень дружен. Как же я был глубоко поражен тем отношением, какое встретил со стороны близких мне лиц, когда на другой день после срыва голодовки студенты, и особенно близкие ко мне, старались избежать встречи со мной или пройти мимо меня, сделав вид, будто меня не замечают! Эту перемену я сразу же почувствовал по лицам своих товарищей. И тут я сразу понял, в чем дело. Сердце у меня защемило больно-больно, и так сделалось тяжело, точно камень тяжелый мне положили на сердце. Но что я мог сделать, что предпринять? Оправдываться — не поверят. Оставалось ждать, и я ждал, когда истина сама собой обнаружится. На третий день, когда я появился в аудиторном корпусе, ко мне подходит Гриша Розов²⁹ и, протягивая руку, сказал мне: «Мы думали, что это ты, но оказалось — Матфей». И сразу пудовая тяжесть спала с моей груди, и сердце облегченно и радостно забило. После этого испытания узы дружбы, связавшие меня с товарищами, стали еще крепче.

Вот эта черта в характере владыки Феодора — соби́рание сведений о жизни студентов и неумелое пользование ими — роняла его авторитет среди студенчества. Так иногда вредила ему его же природная прямота, прямолинейность.

Мне было еще неприятнее сожительство Матфея, но сделать в этом году уже ничего было нельзя. А ему хоть бы что! Только сделался еще темнее своим лицом, и студенты его избегали. После этого события и ректор Феодор избегал наедине гулять с Матфеем.

²⁹ Розов Григорий, выпускник LXXI курса (1912—1916).

[5.] *Помощники инспектора иеромонах Николай, иеромонах Иоасаф, Н<иколай> Ив<анович> Сомов*

Матфей и четвертый курс жил в этой комнате, но я постарался от него уйти. Я и о. Павлин Крошечкин³⁰ поместились в квартире 2-го помощника инспектора Сомова Н. Ив.³¹ Последний был женат, жил в Посаде, в доме своей жены. В Академии пользовался одной своей маленькой комнатой, а две другие сдавал Ремезову³², доценту по кафедре сектантства. По мобилизации ли, добровольно ли Ремезов пошел на войну в 1915 году и мы с о. Павлином заняли каждый по комнате в квартире Сомова. Разрешение занять эти комнаты просил у владыки Феодора о. Павлин. Сначала он меня посылал с этой миссией к Феодору, но я решительно и наотрез отказался. Разрешение было дано, и я мог вздохнуть свободно, устроившись в отдельной, удобной комнате по соседству с о. Павлином, с человеком безусловно хорошим, ласковым и добродушным.

В этой комнате я писал кандидатское сочинение.

Я рассказал о ректоре Академии и о двух инспекторах. Скажу несколько слов о помощниках инспектора. Помощниками инспектора были в мое время: иеромонах Николай³³, иеромонах

³⁰ Павлин (Петр Кузьмич Крошечкин; 1879—1937), архиепископ Могилевский. Магистрант LXXI курса (1912—1916). С 1895 г. послушник Саровской пустыни. С 1905 г. — в Московском Новоспасском монастыре, продолжал числиться в нем и во время учения в МДА, в 1920—1921 г. состоял его наместником. В 1914 г. был иеродиакон. В 1921 г. хиротонисан во епископа Рьльского. В 1937 г. расстрелян вместе с группой духовенства в Кемеровском лагере.

³¹ Сомов Николай Иванович (1886—1980), 26-й магистрант LXVI курса (1907—1911), помощник инспектора МДА (1912—1915), затем был переведен в Тамбов, с 1918 г. преподавал русский язык в школе.

³² Ремезов Александр Васильевич (1889—1917), 7-й магистрант LXVIII курса (1909—1913), и. о. доцента по кафедре Истории и обличения русского сектантства (1913—1915). В мае 1915 г. поступил с Высочайшего разрешения в Московское Александровское военное училище, а затем на действительную военную службу. Скончался в госпитале во Франции, куда попал с экспедиционным корпусом генерала Я. Г. Жилинского.

³³ См. выше, сн. 25. Николай (Могилевский) 11 декабря 1912 г. получил назначение в Полтавскую семинарию, при Волкове был половину учебного года.

Иоасаф³⁴ и Н<иколай> Ив<анович> Сомов.

Иеромонах Николай с виду казался суровым и строгим, но в разговоре он делался приветливым. При мне он был год, затем получил куда-то назначение. Помню как в прощальной речи Варфоломей Ремов сравнил его с часовым, верно стоящим на своем посту.

Иеромонах Иоасаф — высокий, здоровый, румяный, рыжеватый человек, был веселого нрава. Была война с Германией. Через больницу он доставал спирт и очень был озабочен тем, чтобы он при разбавке водой не мутнел. Любил барышень, которые иногда посещали его квартиру. В этом отношении нужно отметить двух сестер одной благочестивой беженки из Вильны, постоянных посетительниц академического храма, необыкновенно хороших чистых девушек, только что вышедших из состояния подростков.

[6.] Два направления мысли среди профессоров: церковное и протестантское. Позиция Илариона (Троицкого). Споры о действительности таинств, о гефсиманском подвиге Христа

Теперь перейду к профессорам Академии.

Профессора Академии делились на две неравные группы: на ортодоксальных и либеральных. При ректорстве владыки Феодора в мое время первая группа была значительно больше, чем вторая, а в ректорство епископа Евдокима была больше вторая. Но это деление чисто условное. Целесообразнее делить профессоров по другому признаку. Одни профессора преподавали свой предмет, пользуясь научными знаниями Запада, но в то же время они стояли на почве чисто церковной, русской, национальной. Другие, наоборот, ставили русское очень низко и почти не стояли на почве церковной.

Но и это деление условно. Влияние Запада, в частности католичества, в особенности же протестантства, было сильно на всех про-

³⁴ Иоасаф (Алексей Степанович Шишковский-Дрылевский; 1888—1935), архиепископ. 17-й магистр LXVIII курса (1909—1913). С 1913 по 1919 г. помощник инспектора. В 1921 г. хиротонисан епископом Кашинским, викарием Тверской епархии.

фессоров за весьма малыми исключениями. Поясню свою мысль примером. Иларион был, несомненно, русский человек и любил русское, в особенности быт русский. Но в то же время до мозга костей был пропитан идеями протестантизма. Жития святых он называл сказками. Я это слышал сам своими собственными ушами. На богослужение он смотрел как на что-то, правда, нужное, но нужное больше для народа, чем для интеллигенции. По поводу церковных Таинств между нами студентами и Иларионом были горячие споры. Вопрос сводился к таинству Евхаристии. Со свойственной ему прямотой и вместе с тем резкостью он так конкретно ставил вопрос: «Если мышь съест пресуществленный хлеб или муха попьет пресуществленного вина, то что съест одна и что попьет другая? Тело и Кровь Христовы или хлеб или вино?» Мы отвечали, что Тело и Кровь, но он никак с этим не соглашался. Мышь съедала только хлеб; муха выпивала только вино. На этом примере особенно ясно видна зависимость Илариона от протестантизма, утверждавшего, что недостойно причащающийся вкушает не Тело Христово, а просто хлеб, и только достойные причащаются Тела и Крови Христовых, т. е. Таинство зависит от состояния субъекта. Вот такой субъективный, чисто протестантский взгляд на природу Таинства и проповедовал Иларион. Был слух, что епископ Феодор распорядился прекратить эти споры о Таинствах, так как они принимали соблазнительные формы и нежелательные размеры.

Иларион считался учеником и последователем архиепископа Антония Вольнского³⁵, мировоззрение последнего было проникнуто духом рационализма. Так, вслед за Антонием Иларион одно время энергично выступал за усиленное выдвижение на первый план в системе христианской мысли Гефсиманского подвига Христа в ущерб Голгофе.

Главное в искупительном деле Иисуса Христа — Гефсиманский подвиг. То, что последовало после Гефсимании, было развертывани-

³⁵ Имеется в виду митрополит Антоний (Храповицкий), бывший ректором МДА в сане архимандрита с 1891 по 1895 г.

ем, раскрытием Гефсиманского подвига. В Гефсимании уже пролилась Кровь Богочеловека, т. е. Его кровавые капли Крови. После Гефсимании Голгофа могла быть, а могла и не быть. Вот вкратце суть учения Антония — Илариона об искупительной жертве Богочеловека. Эта концепция христианства была очень рискованной и очень опасной. Ректор Феодор, поставленный выводить из Академии либеральный дух, боялся новых концепций, и, как говорили, по его слову и эти дебаты как-то вдруг прекратились.

[7.] Споры об имени Божиим

Самым же сильным, самым продолжительным движением мысли в мое время были споры об Имени Божиим³⁶; они и были пробным камнем характера мысли каждого. Вопрос об Имени Божиим возник на Афоне. Первая статья по этому вопросу появилась в журнале «Русский инок». На эту статью очень резко ответил Антоний Вольнский, назвав сгоряча мысль афонцев — хлыстовством. С этого и разгорелся сыр-бор. Афонцы стали приводить доводы, и доводы основательные, из области святоотеческой литературы, из опыта подвижничества, из философии. Вопрос был связан с учением о Фаворском свете, с одной стороны, и со спорами об универсалиях — с другой.

Движение приняло серьезный характер и захватило собой почти всю религиозную мыслящую Россию, в том числе особенно Московскую академию.

Если в прежних упомянутых мною спорах о Таинствах, о Голгофе принимали участие лишь часть студенчества и профессоров, то афонским вопросом об Имени Божиим было заинтересовано все студенчество и значительная часть профессуры. Некоторые из

³⁶ См. последние публикации и исследования, в которых приведена основная библиография: Забытые страницы русского имяславия. Сб. документов и публикаций по афонским событиям 1910—1913 гг. и движению имяславия в 1910—1918 гг. М., 2001; *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. Т. 1—2. СПб., 2002; Имяславие. Антология. М., 2002; *Дмитрий Лескин, свящ.* Спор об Имени Божиим. СПб., 2004.

профессоров, вероятно по соображениям осторожности, не высказывали своего взгляда по возбужденному вопросу. Так, мне неизвестен был взгляд по этому вопросу Тареева. Или, лучше сказать, взгляд его был известен, но он его не высказывал открыто. Но некоторым профессорам, например, Ив. В. Попову, свящ. Павлу А. Флоренскому, перед их приходом в аудиторию, на кафедру от имени студентов были положены записки с просьбой высказаться по афонскому вопросу. Аудитории были переполнены. Яркое свидетельство заинтересованности студентов.

Сейчас не помню, что и как говорили тот и другой, но характер ответа хорошо помню. Флоренский стоял всецело на стороне афонцев. Это движение мысли в академической среде он, собственно, и возглавил.

Попов Ив. В. высказался как-то нерешительно, неопределенно. Его ответом на вопрос были многие недовольны.

Все студенчество и все профессора разделились на две группы: защитников афонцев и их противников. Большинство было на стороне афонцев. Афонскую группу возглавил Флоренский, противоположную ей группу возглавил <архиепископ> Антоний Вольнский, проводником взглядов которого в Академии был Иларион. Ректор Академии епископ Феодор своего взгляда на возбужденный и животрепещущий вопрос не высказывал открыто, как и вообще он не высказывал своих взглядов. Но мне известно, что он обратился с письмом к Флоренскому, в котором просил его изложить свой взгляд на Имя Божие. Ответ Флоренского на это письмо Феодора был напечатан в предисловии к книге Антония Булатовича «Апология веры во имя Иисуса»³⁷. Это движение мысли захватило все студенчество и было в центре внимания Академии

³⁷ Анонимное предисловие «От редакции», принадлежавшее священнику Павлу Флоренскому, к книге: *Антоний (Булатович), иеросхим.* «Апология веры во имя Божие и во имя Иисус». М.: Религиозно-философская библиотека, 1913. С. VII—XIV.

Собрание материалов священника Павла Флоренского, посвященных имяславию, см.: *Павел Флоренский, свящ.* Сочинения в четырех томах. Т. 3 (1). М., 1999.

едва ли не целый учебный год и часть другого учебного года.

Афонцы утверждали, что Имя Божие реально, что оно — энергия Божия, потому оно и спасительно.

<Архиепископ> Антоний Вольнский утверждал, что Имя Божие — пустой звук, что Бога можно назвать и другим именем, лишь бы при этом мысль человека соединялась с Богом. Отсюда видно, что последний выходил из субъективного состояния человека, а первые рассматривали Имя Божие как реальность, существующую независимо от субъекта. Так, в сущности, возродились споры номиналистов и реалистов, в другой лишь более жизненной форме.

Вопросы: об Имени Божиим, о Фаворском свете, о Кресте — это кардинальные вопросы христианской мысли, христианской гносеологии, подлинно христианской жизни и не только для отшельников, но и для всякого рядового христианина. Вот причина того, почему это движение мысли захватило всех. Но вопросы эти не были разрешены так, как требовала жизнь, и большинство было недовольно исходом этого дела, тем более методом решения его.

В самом деле! Имя Божие, Фаворский свет, Крест — Хранитель всей вселенной! Ведь это не только высоты христианской мысли, но вместе с тем и основа церковной жизни. Ведь эти вопросы должен решать Собор. Мы знаем, что по вопросу о Фаворском свете был целый ряд Соборов. Но как был решен, но, конечно, не разрешен вопрос об Имени Божиим? При помощи насоса с холодной водой, с одной стороны, и путем, так сказать, «закулисной сделки» — с другой. Известно, что на Афон был послан епископ Никон Вологодский, чтобы потушить самый главный очаг возникшего имяславского движения. Деятельные подвижники на предложение епископа Никона отречься от возбужденного ими движения мысли ответили в своем большинстве отказом. Они отказались также добровольно следовать на предназначенный для их вывозки с Афона пароход. Тогда-то вот и был пущен в дело пресловутый насос с водой, при помощи которого подвижники были выдворены из помещения и загнаны на пароход. Точно не помню, но как-будто было

вывезено с Афона около 400 человек — монахов и расселено по монастырям в России.

Синод поручил трем лицам: <архиепископу> Антонию Вольнскому, <архиепископу> Никону Вологодскому и проф. Троицкому сделать доклады по афонскому вопросу. На основании этих докладов было сделано постановление Синода, осуждавшее афонцев с прощением для тех, кто не подчинится этому решению Синода. Никон Вологодский был послан на Афон после этого постановления. Так печально кончилось движение афонцев. Таким исходом деловое студенчество было очень недовольно. Всех возмущали методы решения этого интереснейшего и жизненнейшего вопроса. Всюду слышались вопросы: «Почему Академиям не поручили исследование этого вопроса?» «Почему не созвали и даже не пытались созвать Собор для решения афонского вопроса?» «При чем тут Никон — семинарист?» «Зачем в этом деле главную роль играет пристрастный Антоний Вольнский?» и т. д., и т. п.

Но выражая свои чувства недовольства, мы все, конечно ясно сознавали, что дело не в Синоде, а в возглавлявшем его обер-прокуроре. Мы все понимали, что за спиной членов Синода стоит русское правительство, которому были страшны всякие движения. Оно и сделало нажим на членов Синода поскорее решить это беспокойное дело и указало, в каком духе решить. И решили.

[8.] Направления академической богословской мысли

После этого в Академии потекли будни. Жизнь вошла в свою формальную колею, и шла, не выбиваясь из нее, вплоть до февральской революции 1917 года.

Долгое время мы, студенты, чувствовали себя так же, как чувствует себя человек, против воли своей принявший неприятный и нежелательный душ холодной воды.

Не аудиторией, а вот этими обсуждениями — в «кулуарах», в своих комнатах, на прогулках — животрепещущих вопросов цер-

ковной жизни и еще семестровыми и кандидатскими сочинениями жило студенчество.

В аудиториях читались лекции по программе, не связанной с жизнью. В своих лекциях профессора по большей части излагали взгляды, теории по тому или другому вопросу протестантских или католических богословов, часто не высказывая православной точки зрения. По меткому суждению о Павла Флоренского, это было действительно перекалывание дров с одного места на другое. Тем не менее в Академии было два направления мысли, которые вели между собой глухую борьбу.

Эти два направления богословской мысли особенно резко выявлялись при спорах по афонскому вопросу. Но они были известны и до этих споров. Одно направление богословской мысли возглавлял проф. Флоренский, а другое — его антипод проф. Тареев.

Остальные профессора примыкали по образу и характеру мысли то к одному, то к другому. Первая группа более или менее самобытных профессоров стояла на почве церковной. Другая группа, идейно возглавлявшаяся Тареевым, стояла на чуждой нашей церковной жизни почве — на почве протестантизма.

[9.] М. Д. Муретов

После приведенной общей характеристики профессуры, сделанной на почве богословских движений мысли, я перейду к изложению своих впечатлений от профессоров, каждого в отдельности. Начну с Митрофана Дмитриевича Муретова.

Это был выдающийся профессор-экзегет по Новому Завету. Он обладал обширными познаниями вообще, и в частности по своему предмету. Отлично зная западную литературу по Новому Завету, он не был на поводу у нее. Он остался на почве чисто церковной, чисто православной. Невысокого роста, несколько с развалистой утиной походкой Митрофан Дмитриевич был чисто русский православный человек. Обладая громадной эрудицией в области Нового Завета, он совершенно не обладал ораторским талантом. Он гово-

рил свои лекции запинаясь, часто прерывая их покашливанием и как будто извиняясь за их якобы элементарность. На самом же деле это был подлинно муж науки, знаток своего предмета. Много статей его напечатано в «Богословском вестнике». Несколько грубоватый и мешковатый, он вместе с тем был глубоко поэтической натурой. Об этом говорит его книга «Эрнест Ренан и его “Жизнь Иисуса”». В этой большой книге, с которой я познакомился еще до Академии, Муретов излагает в первой же части самого Ренана. Никто не откажет Ренану в поэтических способностях. Успех его книги всецело обязан именно ее поэтической форме. Так Митрофан Дмитриевич в своей книге соперничает в поэзии с Ренаном. С этой, конечно, целью он его и излагает только в своем духе. Нужно сказать, что он соперничает с Ренаном очень удачно, во всяком случае ему не уступает, чтобы не сказать больше.

Умер Митрофан Дмитриевич при мне, когда я учился в Академии³⁸. После него осталась большая библиотека. Несколько книг на греческом языке купил и я у вдовы покойного. Эти книги целы у меня до сего времени. Я упомянул о вдове Муретова. Как рассказывали, она была у него прислугой, а потом он на ней женился. Это была повыше среднего роста тонкая женщина с очень приятным лицом. У нее была дочь, в мое время уже невеста, — здоровая, миловидная девушка. Но я не знаю, от кого она родилась, т. е. кто ее отец. Труды Митрофана Дмитриевича, особенно по экзегетике, следовало бы выбрать из разных журналов и издать отдельной книгой. У него много истолковано притчей. Такая книга была бы очень полезна не только ученикам духовной школы, но и приходским священникам как руководство для поучений и пособие для уразумения смысла некоторых притчей, мест Священного Писания.

Впечатление от личности Муретова не изгладилось никакими событиями жизни до сих пор.

³⁸ Он скончался 11 марта 1917 г., когда иеромонах Павел (Волков) уже закончил Академию.

[10.] С. С. Глаголев

Сергей Сергеевич Глаголев³⁹ — профессор по кафедре основного богословия. Это замечательный знаток своего предмета и не только знаток, но и исследователь. После него осталось немало исследований по религиям древнего мира, статей по вопросам апологетики, напечатанных в разных журналах. Он свободно владел даром слова и обладал хорошей памятью. Вот профессор, у которого можно бы почерпнуть много знаний о языческих религиях, но мы были тогда легкомысленными, о чем теперь приходится только пожалеть. Кроме того, Сергей Сергеевич был известен как любитель женщин; рассказывают о нем такой анекдот. Сергея Сергеевича выбрали на какую-то научную конференцию в Париж. Проводить его собрались профессора и студенты. Кто-то из провожающих задал ему недоуменный вопрос: «Почему же Вы, Сергей Сергеевич, едете без жены?» «Помилуйте, ехать в Париж со своей женой, это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром», — ответил он. Он был шутник, веселого нрава. Наблюдая его и не зная его лекций и трудов, нельзя было подумать о богатстве его научной апологетической эрудиции, какой он обладал. Он умел оживлять свои лекции и держать слушателей в своих руках.

[11.] Священник Евгений Воронцов

Профессор по кафедре библейской археологии о. Евгений Воронцов⁴⁰ — выдающийся археолог-библеист. Он никогда не имел у себя под руками ни книг, ни записей, ни конспектов. Все у него помещалось и хранилось в голове. В связи с такой необыкновенной памятью небезынтересно упомянуть о том способе, каким он изучал языки. Вопрос шел об изучении немецкого языка, и он сказал: «Это очень легко сде-

³⁹ Глаголев Сергей Сергеевич (1865—1937), ординарный профессор (1903). 2-й магистр XLIV курса (1885—1889). С 1901 г. был также профессором на Высших женских курсах, не отсюда ли разговоры о нем, как о «любителе женщин»?

⁴⁰ Воронцов Евгений Александрович (1867—1925), протоиерей, экстраординарный профессор (1910—1919) по кафедре Еврейского языка с библейской археологией. 2-й магистрант LII курса (1893—1897). Рукоположен во священника целибатом.

лать: взять немецко-русский словарь и выучить корни слов. Я, например, так и сделал, а что тут с грамматиками возиться». Из этого факта следует, какой феноменальной памятью обладал о. Евгений. Он в совершенстве знал еврейский язык и в этом отношении был равен или даже превосходил еврейских раввинов.

Всецело погруженный в науку, он вместе с тем, как и все великие ученые мужи, был ласков и прост в обращении, без тени какого-либо превозношения над нами, студентами. У него запросто бывали студенты, но мне не пришлось почему-то у него быть. Он пользовался громадным авторитетом со стороны студентов и профессоров. Он был чужд каких-либо исканий, претензий, а тем более интриг. Он как бы врос в свой предмет. Об этом говорила его библиотека, состоявшая главным образом из еврейских рукописей, и притом редких. Если не ошибаюсь, он был священник-целибат.

Вместе с тем он был и замечательный проповедник. Ректор Феодор нередко назначал его на проповедь в академическом храме. И мы, студенты, всегда с большим удовлетворением встречали его появление на амвоне. Он был оратор и обладал голосом подходящим для публичных выступлений. У него был бас несколько резкий. Положит, бывало правую руку не на ладонь левой, а на тыл ее и начнет свое слово. В сильных местах он сжимал правой рукой левую или же делал небольшой жест — движение обеими так сложенными руками вниз. Других жестов — никаких. Насыщенность мысли выражалась в интонациях голоса. Впечатление всегда было необыкновенно сильное. Таких проповедей никто не говорил, кроме него.

Умер этот необыкновенный человек и выдающийся ученый, когда я был студентом. Память о его личности неизгладима.

[12.] Протоиерей Дмитрий Рождественский

Профессор по 1-й кафедре Ветхого Завета прот. Дмитрий Рождественский⁴¹. Это был человек высокого роста с длинными во-

⁴¹ Рождественский Дмитрий Васильевич (1864—1926), протоиерей, экстраординарный профессор (1912—1919) по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. С 1923 г. обновленческий епископ.

лосами, но темным и некрасивым лицом. Он знал все мнения западных ученых по тем или другим вопросам Ветхого Завета и излагал их самым добросовестным образом, но своего, т. е. мнения Православия, часто не было. У него был глухой неприятный голос и лекции его не имели эффекта. Он хорошо знал еврейский язык и был бы, несомненно, хорошим профессором, если бы не один недостаток, во власти которого он находился. Он пил, и это наложило на него неприятный отпечаток. Он как-то жил особняком и чуждался общения с людьми. Впрочем, об одной пирушке в его квартире мне рассказывал один участник этой пирушки. На ней был Иларион. Этот участник из студентов знал, что я не люблю слушать никакие истории, особенно скандальные, поэтому он, не вдаваясь в подробности, сказал, что особенно его удивило. О. Дмитрий не мог сидеть, а потому лег на кровать, но лежал, положив ногу на ногу. Это очень удивило студента — очевидно. Одна нога была согнута в коленке и поставлена на кровать, а другая была положена на согнутую. О том, что было в действительности очевидец выразил жестом правой руки, сделанным в сторону.

[13.] *Священник Павел Флоренский*

Профессор по кафедре истории философии священник Павел Александрович Флоренский был исключительным явлением в жизни Московской академии. С гимназическим средним образованием он поступил в Московский университет на физико-математический факультет; ему открывалось блестящее поле деятельности после окончания математического факультета, но он по окончании университета поступил в Московскую духовную академию и по окончании ее был оставлен доцентом по кафедре Истории философии. Он пришел в Академию со светским образованием и, естественно, усвоил церковные дисциплины своеобразно, без тех установившихся, нередко предвзятых, взглядов на семинарские и академические науки, которыми пропитывались мы, питомцы духовной школы, начиная с Духовного училища.

Уже благодаря только этому он должен был внести и действи-

тельно внес свежую струю в установившиеся взгляды на задачи и цель церковных дисциплин и самой духовной школы.

Выдающийся математик, замечательный философ и глубокий богослов, он вместе с тем обладал обширнейшими знаниями в других областях. Не было вопроса, на который о. Павел не дал бы ответа, и ответа своеобразного, оригинального.

Я больше всего обязан этому профессору систематизацией взглядов, как философских, так и богословских. Я писал ему одно семестровое сочинение на тему: «Благоприятствует ли православное богослужение платонизму?», и кандидатское сочинение на тему: «Жития святых как основа для построения гносеологии». Благодаря этим работам я уделил значительное внимание православному богослужению и в особенности житиям святых. Богослужение и жития, эти наиболее конкретные выражения жизни Церкви, в системе академического образования, как-то умахались и не выдвигались на первый план. Благодаря Флоренскому я эти две области церковной жизни выдвинул на первый план и ими почти исключительно занимался.

Занявшись конкретными явлениями жизни Церкви и найдя здесь непочатый угол для оформления богословско-философской мысли и вместе с тем для постановки подвижничества, я естественно редко посещал лекции профессоров. Но лекции Флоренского я посещал неопустительно. Он читал их для студентов 1-го курса. Но я слушал его лекции все четыре курса Академии и стипендиатский год.

Самая обширная аудитория была всегда полна во время его лекций. Невысокого роста, очень скромный по виду и по нраву, он имел тихий, мягкий голос. Он не обладал совершенно ораторским талантом, но мысль его всегда была оригинальна, всегда жизненна, всегда насыщена какой-то привлекательной энергией, плюс к этому его громадная научная эрудиция. Вот почему его лекции посещались студентами не только 1-го курса. Я прослушал пять курсов его лекций и ни один курс лекций не был повторением другого, предыдущего. Он не мог формально относиться к своим лекциям. Он сам

рос и нас заставлял расти с собою. Свои лекции он пояснял часто чертежами, схемами, что давало возможность прочно запомнить ход его мысли.

Были и противники его направлению мысли, но лично меня что-то родило с ним более всех. Быть может, то, что я вышел не из духовной среды, но из крестьянской, и так же, как и он, — из Московского университета перешел для завершения образования в Московскую духовную академию.

Взятая мною работа для кандидатского сочинения не имела каких-либо пособий, которыми можно было бы, хотя бы отчасти, руководствоваться в своей работе. Эта работа была совершенно новая, и мне, естественно, приходилось часто беседовать с о. Павлом. В этих-то беседах особенно проявился для меня не только его всеобъемлющий ум, не только его научная эрудиция, но и его глубокий духовный опыт. Мой преимущественный интерес к самому главному члену Символа веры, именно к догмату о Церкви, и к конкретным ее обнаружениям, т. е. к богослужению и к агиологии, все это — влияние Флоренского. И я до смерти буду благодарен ему за то, что он сумел направить мою мысль на самые главные объекты богословско-философского мышления и христианской жизни. И сейчас я пишу исследование о причинах возникновения русского церковного раскола при патриархе Никоне. В этом своем исследовании я выхожу из определения существа Церкви как Тела Христова. Вопрос раньше никем так не рассматривался; вот почему в полемике со старообрядцами было больше пустословия, чем надлежащей постановки вопроса на надлежащей почве, а такой почвой может быть только апостольское определение Церкви как Тела Христова.

Флоренский писал в Совет Академии докладную записку о необходимости открытия кафедры по Агиологии⁴², но Февральская революция 1917 г. сделала положение ректора Академии епископа Феодора непрочным и открытие кафедры не состоялось к великой

⁴² Имеется в виду «Докладная записка <о кафедре агиологии>». См.: БВ 5—6. 2005—2006. С. 463—474.

радости моей, так как о. Павел на эту кафедру, несмотря на все мои отказы, выдвигал меня.

В мое время Флоренский был редактором академического журнала «Богословский вестник». В его редакторство статьи проф. Тареева в журнале не появлялись, между тем как при Евдокиме журнал был всецело в руках Тареева.

Епископ Феодор любил и уважал Флоренского. Нужно поставить в особенную заслугу владыке Феодору то, что он взял на себя почетную задачу — «протащить», минуя все мели и подводные камни, поданную, по его же настоянию, на соискание степени магистра богословия книгу Флоренского «Столп и утверждение истины», причем сам был первым рецензентом этой книги⁴³. В этой книге есть необычайные для ортодоксального богословия мысли, каковы, например, вопросы о дружбе, о ревности, о Софии и даже опасные по воззрениям того времени мысли о четвертой ипостаси⁴⁴.

⁴³ Защита магистерской диссертации священника Павла Флоренского состоялась 19 мая 1914 г. Ректор епископ Феодор выступил третьим оппонентом. Отзыв епископа Феодора был искренне похвальным: «Как огласительное слово для стоящих «во дворе церковном» — а так просит смотреть на его книгу сам автор (с. 3) — книга выполнена прекрасно <...> Как труд богословско-философский книга автора от начала до конца православна» (Епископ Феодор. <Рец. на книгу:> «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи («Столп и утверждение Истины»). Книга свящ. П. Флоренского». М., 1912 // БВ. 1914. Т. 2. № 5. С. 140—181).

⁴⁴ Речь идет о следующем месте из книги «Столп и утверждение Истины» (М., 1914. С. 323—324):

«Разум вещи есть, с точки зрения твари, тот акт, посредством которого тварь отрешается от самости своей, выходит из себя и посредством которого в Боге находит свое утверждение, как самоистощающаяся; другими словами, разум вещи есть, с точки зрения твари, любовь к Богу и происходящее отсюда видение Бога, частная идея о Нем, — условное представление о Безусловном. С точки же зрения бытия Божественного, разум твари есть безусловное представление об условном, идея Бога о частной вещи, — тот акт, которым Бог, в неизреченном Само-уничижении Своей бесконечности и абсолютности, наряду с Божественным содержанием Своей Божественной мысли, благоволяет мыслить о конечном и ограниченном, вносит в полноту бытия Троичных недо тощее полу-бытие твари и дарует ей само-бытие и само-определяемость, т. е. ставит тварь как бы вровень с Собою; с точки зрения Бога, разум твари есть само-уничижительная любовь Божия к твари. Неопишущим актом (в ко-

Книга Флоренского потерпела несколько стадий уродства, как он сам выражался, и из объемистого тома с примечаниями получился сухой скелет.

Следует воздать должное владыке Феодору за то, что он мужественно эту свою задачу выполнил, несмотря, быть может, на некоторый риск для себя. Владыка Феодор сознавался, что он в некоторых местах книги ничего не понимает. Тем не менее он на диспуте сделал несколько возражений Флоренскому. Характерно, что

тором соприкасаются друг с другом и содействуют друг другу неизреченное смирение Божественной любви и непонятное дерзновение любви тварной) входя в жизнь Божественной Троицы, стоящей выше порядка (ибо число «3» не имеет порядка), эта любовь-идея-монада, этот четвертый ипостасный элемент в отношении к себе вызывает различие по порядку — κατὰ τάξιν — Ипостасей Пресвятой Троицы, благоволящей на это со-отношение Себя со Своею же тварью и на вытекающее отсюда определение Себя тварью и тем Себя «истоощающей» или «опустошающей» от атрибутов абсолютных. Оставаясь всемогущим, Бог относится к Своему же созданию как бы не всемогущий: не принуждает тварь, а убеждает, не заставляет, а просит. Оставаясь «едино» в Себе, Ипостаси делают Себя «ино» в отношении к твари. Последнее открывается в характере промыслительной деятельности, как в каждой особой жизни, так и, — по преимуществу, — в трех последовательных Заветах с целокупным миром. Иначе говоря, эти три Завета, открываясь прообразовательно и предварительно в личной жизни монады, — онтогенетически, — повторяются с полнотью в истории всей твари, — филогенетически».

Архимандрит Никанор (Кудрявцев) резко критиковал главу «София» в журнале «Миссионерское обозрение» (1916. № 1, 2), не обратив внимание на то, что в данной главе терминология Флоренского носит не догматический, а религиозно-философский характер. По поводу его критики отец Павел писал в «Философии культа»:

«Но прежде чем делать это, благоверенно обратить внимание на самые термины οὐσία и ὑπόστασις в их антропологическом применении. Термины эти давно уже позабыты; даже прошедшие богословскую школу недоумевают, слыша приложение их к чему-либо, помимо учения о Боге. Так, один ревностный не по разуму критик негодовал на мое «учетверение» Троицы на том основании, что я назвал Софию, премудрость Божию, ипостасью в Троице, хотя, по определению отцев, например, преподобного Иоанна Дамаскина, ипостась есть единичное, μερικόν, индивидуальное, ἄτομον, и термин этот применим не только к людям, но даже и к животным (Философские главы. X, XI, XII. 1913. Т. 1. Пер. Бронзова). А между тем от забвения этих терминов рождается много путаниц и недоразумений религиозно-философской мысли» (Павел Флоренский, свящ. Собрание сочинений. Философия культа. М., 2004. С. 138—139).

на диспуте Флоренский не ответил епископу Феодору ни на одно возражение, ни на один вопрос. Все были удивлены этим. После диспута я спросил о. Павла о причине его молчания. «Как же я буду возражать епископу?!» — был его ответ.

Таким был этот выдающийся ученый, мыслитель и подвижник. Он совсем не ел мяса и только в первый день Пасхи съедал небольшой кусок мяса, т. е. один раз в год. Он органически не выносил молока. От мяса он воздерживался, а молока его организм не принимал. В связи с этим в его семье вопрос о его питании всегда стоял беспокойно. Нужно было ему готовить особо и что?!

Он имел своих учеников и последователей. Один из них, Феодор Константинович Андреев⁴⁵, при мне занял кафедру систематической философии вместо умершего Алексея Ив. Введенского, мыслителя самобытного с большой философской эрудицией. Я прослушал несколько лекций А. И. Введенского 1-го курса. Потом он заболел и умер. Андреева я не слушал, но студенты его одобряли.

[14.] М. М. Тареев

Теперь я перехожу к изложению своих впечатлений от профессоров либералов и начну с самого главного из них — проф. по нравственному богословию М. М. Тареева.

⁴⁵ Андреев Феодор Константинович (1887—1929), протоиерей. 1-й магистрант VХVІІІ курса (1909—1913). Перед МДА окончил реальное училище и три курса Института гражданских инженеров, затем экстерном сдал семинарский курс. Кандидатское сочинение — «Ю. Ф. Самарин как богослов и философ» (писал под руководством священника Павла Флоренского). В 1914—1918 гг. — доцент МДА по кафедре Систематической философии и логики. С 1919 по 1921 г. преподавал русскую словесность в Михайловском училище в Петрограде. В 1920—1923 гг. преподавал апологетику и патрологию на Богословских курсах. С 1922 по 1927 г. — священник в Казанском, затем в Сергиевском артиллерийском соборе в Петрограде. В 1927 г. возведен в сан протоиерея. С 1927 по 1928 г. служил в соборе Воскресения («Спаса-на-Крови») в Ленинграде. Автор текста «Отложения» ленинградского духовенства и мирян от митрополита Сергия. Идейный возглавитель иосифлянства.

См.: Фатеев В. Протоиерей Феодор Андреев, друг и духовник о. Павла Флоренского // Энтелехия. Кострома, 2000. С. 78—85.

Это был человек высокого роста, почти седой, с маленькой подстриженной бородкой на одном подбородке и выбритой на остальных частях лица; несмотря на годы, он хорошо сохранился и был наделен природой красивой наружностью, от которой веяло не теплом, как это обычно бывает, а холодом. Знал ли он последнее, я не знаю, но первое знал, и это выражалось в какой-то особом рода величественности, сквозившей в его походке, в его движениях, жестах и даже в манере говорить. Тареев редко бывал за богослужением в академическом храме. Но не в этом дело. Некоторые, быть может, бывали реже его. Дело в его отношении к храму, к богослужениям. Появление его в академическом храме всегда вызывало оживление среди студентов. Многие с любопытством наблюдали за ним. Он не совершал ни крестного знамения, ни поклонов. Встанет и стоит, как столб. Но самое интересное — это было прикладывание к иконе. В числе других профессоров подходил и он, нагибался к иконе без крестного знамения, подходил под помазание елеем, руку у епископа не целовал, и как-то уже не величественно, а скорее по-солдатски проходил рядами студентов на место профессоров, неестественно размахивая руками. И вот этот человек был профессором по кафедре нравственного богословия.

Я не буду излагать его неправославную систему мысли.

Она хорошо известна по той хотя бы характеристике, которую дал о ней проф. Светлов⁴⁶ в своем труде «Христианское вероучение в апологетическом изложении», т. 1, стр. 330—335, Киев 1914 г. Прот. Светлов называет систему Тареева «карикатурой на христианство», «состряпанной его творческим воображением». Его система — сильное эхо лютеранского ричлианского бого-

⁴⁶ Светлов Павел Яковлевич (1861—1945), протоиерей, профессор богословия Киевского университета. 2-й магистрант ХLI курса (1882—1886), оставлен профессорским стипендиантом. Был сторонником учреждения богословских факультетов при русских университетах. В 1896 г. удостоен звания магистра богословия за работу «Значение Креста в деле Христовом» (Киев, 1893). В 1902 г. доктор богословия.

словия. Отсюда Тареев заимствовал агностический или адогматический принцип, свое презрение к церковно-догматическому христианству, искажившему будто бы чистую евангельскую идею, свое отрицание Церкви и догмата Искупления, свое упразднение Креста Христова и т. д.

Что же осталось в его системе от христианства? Ничего, кроме названия, кроме неведомых миру и никому не нужных эмоций проф. Тареева. И это был преподаватель нравственного богословия в Духовной академии Русской Православной Церкви! Для нас с именем Тареева всегда возникал вопрос: почему удалены из Академии в сущности отдельные ветки, а «столп злобы богопротивной» остался. Это явление в деятельности еп. Феодора для нас было загадкой. Неужели он оставлен как необходимая в картине тень? Ведь около него группировалась часть студенчества! Семена его в сущности антихристианства разносились по Духовным семинариям. Невольно при этом как-то сама собой напрашивается мысль: сами руководители Академии, очевидно, в какой-то степени были причастны к этому модному в то время мировоззрению. Ведь высказывал же и с азартом защищал чисто протестантский свой взгляд инспектор Академии Иларион на величайшее Таинство христианское, т. е. Евхаристию? Другие были более осторожны и более скрыты. Да по существу вся система богословской мысли, система преподавания имела в своей основе протестантство и отчасти католичество. Православного богословия не было. Это ясно видел едва ли не единственный из профессоров Флоренский, пришедший в духовную школу со стороны, из светского общества, и боролся против этой системы, против переключивания дров с места на место. А все мы, часто с семьи и во всяком случае с Духовного училища воспитывавшиеся в духе этой системы, были и не способны распознать это зло. Таким образом, Тареев имел под своими ногами твердую почву.

[15.] *А. М. Туберовский*

Проф. по кафедре догматического богословия Туберовский⁴⁷ был болезненного вида человек, невысокого роста, с легкой проседью и красиво назад зачесанными волосами. В лице его было всегда выражение какого-то внутреннего мученья, каких-то потуг рожденья мысли. Слово «потуги» очень удачно характеризует этого неудавшегося профессора. Его лицо, тон разговора, речи, манера жестов, словом, вся фигура говорили: «Я очень много и глубоко понимаю мироздание и еще больше и глубоко это чувствую, но не нахожу слов выразить свое понимание, свои чувства». Для него повитухой, в конце концов, явился Тареев, о чем я скажу дальше, когда буду описывать магистерские диспуты. Популярностью он среди студентов особенной не пользовался. У нас к нему была какая-то жалость. Об этом может свидетельствовать такой факт: в «Богословском вестнике» была напечатана его статья «О самоубийстве», которое среди юношества в то время приняло чуть ли не стихийный характер. Не лекциям по догматике, а вот этой статейке он был более обязан популярностью среди студентов. В каникулы он ездил куда-то лечиться. И вот его первая вступительная лекция, аудитория, хотя и не самая большая, но была полна. Были студенты и старших курсов. Перед приходом в аудиторию Туберовского Иванов Сергей Васильевич⁴⁸ вдруг обратился к студентам с такого рода предложением: «Давайте встретим Туберовского аплодисментами! Он лечился!... Он пишет диссертацию!.. Его надо одобрить!» В этот момент входит Туберовский, и гром рукоплесканий его встретил. Решительно не помню, о чем была его лекция, и были ли аплодисменты после лекции. Помню лишь его мучительные потуги на болезненном лице и удивление на аплодисменты.

⁴⁷ Туберовский Александр Михайлович (1881—1937), экстраординарный (1917) профессор по кафедре Догматического богословия, священник (принял священство в 1922—1924 гг.). Служил в храме в Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губернии вплоть до ареста 26 сентября 1937 г. Расстрелян среди заключенных в пределах Рязанской области.

⁴⁸ Иванов Сергей Васильевич, выпускник LXX курса (1911—1915).

[16.] *С. И. Смирнов и В. Н. Страхов*

Я не буду излагать своих впечатлений от личности других профессоров того или другого направления по самой простой причине, что таких впечатлений нет. Но среди них были хотя и рядовые, но труженики науки. Из них нужно отметить проф. по русской церковной истории Смирнова С. И.⁴⁹ Лицо его носило выражение глубочайшей мировой скорби. Его так и звали: «Мировая скорбь».

Еще отмечу проф. по 2-й кафедре Нового Завета свящ. В. Страхова⁵⁰. Это была симпатичная личность. Говорили, что степени магистра богословия он был обязан своей жене, которая просто потребовала от мужа быть магистром (Побольше бы таких жен!)

Вот такой женой и был известен Страхов, более, чем своими лекциями. Ее нельзя было назвать красавицей, но в ее лице, во всей ее фигуре было что-то очень привлекательное, необыкновенно симпатичное. Чем больше на нее смотришь, тем больше хочется смотреть. Какая-то насыщаемость впечатлений от нее и, нужно сказать, насыщаемость здоровая. Я бы сказал, — в ней чувствовалось что-то потустороннее, женственное. Когда она появлялась в академическом храме, то около нее всегда оказывался Сергей Сергеевич Глаголев, занимавший ее разговорами во все время продолжения службы.

На днях я получил свой академический альбом выпуска 1916 года, где помещены фотографии профессоров и студентов нашего курса. По альбому я вспомнил больше, чем без него. О профессорах я предполагал выше сказанным закончить, но теперь дам еще несколько заметок о профессорах, что осталось у меня в памяти.

⁴⁹ Смирнов Сергей Иванович (1870—1916), ординарный профессор МДА по кафедре Истории Русской Церкви (1906—1916), доктор церковной истории (1914). 2-й магистрант L курса (1891—1895).

⁵⁰ Страхов Владимир Николаевич (1883—1938), протоиерей, экстраординарный профессор по 2-й кафедре Священного Писания Нового Завета. 1-й магистрант LXII курса (1903—1907). С 1917 по 1930 г. священник Московской Троицы на Листах церкви. Преподаватель и ректор МДА (с мая 1922 г.) в ее московский период. Расстрелян в Ульяновске. Жена его Ксения Владимировна, урожденная Соколова, дочь священника Московского Рождественского монастыря.

[17.] И. В. Попов

Необходимо сказать несколько слов о профессоре по 2-й кафедре патрологии Ив. Вас. Попове. Это был знаток своего предмета, великолепно знавший патрологическую литературу и свободно владевший словом. По складу мышления он примыкал к школам протестантским, отлично знал немецкие исследования по своему предмету, но не был всецело в зависимости от немцев. У него была своя точка зрения на предмет, но склад его мысли был рационалистический. Кроме того, у него от природы был аналитический ум. Анализ — это его стихия. Он превосходно разложит систему мысли какого угодно отца и учителя Церкви, стройно изложит ее по рубрикам, но синтеза целого не даст. Памятником его аналитического ума был литографированный конспект по патрологии, которым мы пользовались для подготовки к экзаменам. Это буквально ряд рубрик. Нужно было обладать или феноменальной памятью, или таким же аналитическим умом, чтобы всю эту мертвую схему вместили в свою голову. Такая анатомия святоотеческой мысли на меня и некоторых других студентов, искавших высшего синтеза знаний, производила тяжелое впечатление. Его сверлящие слова и мысли и чуть-чуть свистящий зуб лично на меня производили гнетущее впечатление, и я редко бывал на лекциях Попова, хотя знаний у него можно было получить много, но знаний раздробленных, не объединенных синтезом православной мысли. Вот в этом все и дело. Православной почвы не было ни у профессоров, ни во всей системе преподавания. И мы, выходя из Академии, знали, что такое католичество, протестантство, англиканство, русский раскол, сектантство и проч., но не знали, что такое Православие. И если я вышел из Академии с знанием ответа на последний вопрос, то обязан этим не лекциям, ни профессорам, а тому обстоятельству, что случайно ли или не случайно был погружен в стихию Православия: в богослужение и агиологию.

[18.] Иеромонах Пантелеимон (Успенский)

Профессор по 2-й кафедре патрологии иеромонах Пантелеимон⁵¹ на кафедру был назначен при мне. Это был человек молодой, изможденный свое орудие духа, т. е. тело, до крайней степени. С лица он был не так худ и тощ, но в бане на него было страшно смотреть. Это был скелет, обтянутый кожей; и странно — этот вид его вызывал во мне не благоговение или уважение к его «подвигам», даже и не жалость, а какое-то брезгливое чувство и я, взглянув на него, поспешно вышел из того отделения, где он мылся. Мне показалось отступлением от духа Христова, чтобы наше орудие духа, эта, «по образу Божию созданная наша красота» (стихира на отпевании), была заживо погребена. Говорили, что от долгих стояний на коленках у него образовались шишки. Я этого не заметил в бане, потому что органически не в силах был долго его рассматривать и лишь окинул его быстрым взглядом.

По-видимому, о. Пантелеимон и сам сознавал свой грех медленного самоубийства. В этом осознании ему помогли старцы и врачи. Да и сам он почувствовал, что его тело перестает быть орудием духа, замирает. И он изменил свой режим и свой образ жизни. Он стал обедать и ужинать вместе с нами, студентами, в столовой за монашеским столом, стал более общителен, разговорчив и даже шутив. По совету врача он ездил даже лечиться, кажется на Кавказ, но организм был настолько истощен, что уже не представлял из себя орудие духа. Походка у него была старческая. Иеромонах Пантелеимон умер чуть ли не на Кавказе, точно не помню⁵². Тем не менее, это был добросовестный труженик науки. Он писал исследование о знаменитом Симеоне Новом Богослове. Выбор такой интересной темы говорит за то, что его интересовал важный животрепещущий вопрос о Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы, о Святом Духе. Из творений этого учителя Церкви на русский язык были переве-

⁵¹ Пантелеимон (Успенский Дмитрий Поликарпович; 1886—1918), иеромонах, и. д. доцента по 2-й кафедре Патрологии (1912—1917). 1-й магистрант LXVI курса (1907—1911).

⁵² Умер иеромонах Пантелеимон на Новом Афоне от туберкулеза.

дены слова (в двух книгах) епископом Феофаном Затворником. О. Пантелеимон задался целью сделать перевод с греческого на русский язык всех творений Симеона Нового Богослова и был уже напечатан один том его гимнов в переводе о. Пантелеимона. Он предполагал после напечатания перевода творений опубликовать и монографию о Симеоне. Но предположения его не осуществились. Кому достались его рукописи — неизвестно, но во всяком случае они являются большой ценностью.

Мне хочется здесь сопоставить этих двух профессоров по кафедре Патрологии. Вот И. В. Попов — знаток-патролог, можно сказать, блестящий оратор, долгое время бывший профессором; и рядом с ним скромный молодой иеромонах Пантелеимон, который занимал кафедру едва ли больше двух-трех лет. Последний оставил после себя, хотя и не напечатанное полностью, но большое и важное для жизни Церкви литературное наследство, а Ив. Вас. Попов мог бы и должен был сделать во много раз больше, но этого как раз и не было. Я даже не помню, какая его магистерская диссертация. Было несколько его статей в журнале и... все, да конспект — скелет по патрологии.

[19.] Профессора из Московского университета:

С. И. Соболевский, П. П. Соколов, М. М. Богословский

В мое время читали в Академии лекции три профессора из Московского университета: Соболевский⁵³ — по греческому языку, Соколов⁵⁴ по психологии и Богословский⁵⁵, преемник

⁵³ Соболевский Сергей Иванович (1864—1963), ординарный профессор по кафедре Греческого языка и его словесности, был также профессором Московского университета. Редактор 3-го издания «Подвижнических слов» преподобного Исаака Сирина (Сергиев Посад, 1911). Брат А. И. Соболевского. Автор неоднократно переиздававшихся учебников по древним языкам.

⁵⁴ Соколов Павел Петрович (1863—1923), экстраординарный профессор по кафедре Психологии (1906—1919), приват-доцент Московского университета (1908—1911), профессор Московского университета (с 1919). 1-й магистрант XLIII курса (1884—1888).

⁵⁵ Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), ординарный профессор

и ученик Ключевского, — по русской истории. Аудитории этих профессоров всегда были полны. Кроме знаний своих предметов они отличались от профессоров Академии тем, что вносили в жизнь Академии какую-то свежую струю, и именно связь с жизнью, благодаря чему и греческий язык приобретал вместе с теоретическим и жизненное значение, тем более это нужно сказать о психологии и русской истории. В лице своих академических профессоров Академия не была связана с русской жизнью. В ней витал дух и Фомы Аквината, и католицизма, и протестантизма, чего угодно, только не Православия. Да и нельзя было связывать Академию с жизнью. Попытка в этом отношении архим. Феодора Бухарева кончилась для него, как известно, трагически. Гений в лице Бухарева погиб, а ничтожество в лице Асоченского восторжествовало.

[20.] В. П. Виноградов

Лекции по гомилетике читал Вас. Петр. Виноградов⁵⁶. В его профессорской деятельности нужно отметить одно характерное явление: он написал магистерскую диссертацию на тему: «Уставные чтения». В каком-то отношении она, быть может, и нужна, но тратить время и свои силы на что-то второстепенное, архивное, и в то самое время, когда жизнь настойчиво предъявляла свои конкретные требования (вопрос о Таинствах, афонский спор, Православие) представителям науки и вдруг — чисто музейная работа: «Уставные чтения», годная только для архива! Между тем это был живой человек, тонкого ума и [с] довольно твердой волей. Он, несомненно, мог бы дать более ценное и нужное для жизни Церкви, но от вопросов современности, как

по кафедре Русской гражданской истории (1912—1919), профессор Московского университета (с 1911).

⁵⁶ Виноградов Василий Петрович (1885—1968), протопресвитер (с 1943 г. в эмиграции), и. д. доцента по кафедре Пастырского богословия (1910—1916), профессор с августа 1917 г. 2-й магистрант LXIV курса (1905—1909). Рукоположен во священника св. патриархом Тихоном 3 февраля 1922 г.

говорится, спрятался в кусты. Это его характеризует отрицательно. После Академии я видел его у патриарха Тихона. Он принял священный сан без женитьбы и ходил в камилавке, которая к нему как-то не пристала.

[21.] *Другие профессора*

О проф. Гумилевском⁵⁷ по литургике помню одно, как он в храмовой академический праздник Покрова Пресвятой Богородицы говорил проповедь стихами.

Протасов⁵⁸ по церковной археологии и Алмазов по церковному праву были знающие и дельные профессора, но каких-либо особых впечатлений во мне не оставили. Затем идут: Орлов⁵⁹, иеромонах Варфоломей Ремов, Введенский Д. И.⁶⁰, Ремезов, Лысогорский⁶¹, Туницкий⁶²,

⁵⁷ Гумилевский Илья Васильевич (1881—1881), протоиерей, экстраординарный профессор по кафедре Литургики (1913—1919). 6-й магистрант LXII курса (1903—1907). Впоследствии принадлежал к непоминающим, жил в затворе на квартире в центре Москвы, по некоторым, не вполне проверенным данным, принял монашество с именем Сергий.

⁵⁸ Протасов Николай Дмитриевич (1886—1940), и. д. доцента по кафедре Церковной археологии (1912—1917), экстраординарный профессор (с 1917). 3-й магистрант LXVI курса (1907—1911).

⁵⁹ Орлов, Анатолий Петрович (1879—1937), протоиерей, ректор МДА (с 10 сентября 1917 г. по апрель 1922 г.), с рукоположением во священника и возведением в сан протоиерея. Экстраординарный (1909) профессор по кафедре Истории и обличения западных исповеданий в связи с историей Западной церкви от 1054 г. до настоящего времени. 1-й магистрант LIX курса (1900—1904). В дальнейшем служил священником. Расстрелян.

⁶⁰ Введенский, Дмитрий Иванович (1873—1954), ординарный (1914) профессор (1909) по кафедре Библейской истории в связи с историей Древнего мира, доктор богословия (1914). 2-й магистрант LIII курса (1894—1898).

⁶¹ Лысогорский Николай Иванович (1868—1919), доцент (1912—1916), ординарный профессор (1916—1919) по кафедре Истории и обличения русского раскола. В 1895 г. кандидат Киевской духовной академии.

⁶² Туницкий Николай Леонидович (1876—1934), экстраординарный профессор (1913—1918) по кафедре Русской литературы. 2-й магистрант LVIII курса (1899—1903). Получил в 1913 г. звание магистра за диссертацию «Св. Климент, епископ Словенский. Его жизнь и просветительная деятельность» (Сергиев Посад, 1913). Книга была удостоена от Академии Наук полной премии графа Д. Н. Толстого. С

Смирнов о. Иван⁶³, Рассейкин⁶⁴.

[22.] *Иеромонах Варфоломей (Ремов)*

Из них одно замечание об о. Варфоломее Ремове, но не как о профессоре, а как человеку — монахе. Он говорил медленно и как-то с трудом — то ли у него был недостаток речи, то ли он подыскивал более подходящие слова. Как монах он вел воздержанный образ жизни, питался преимущественно грибами. Он обыкновенно намечал кого-либо из студентов, ловил его в коридоре или в саду и битых часа два с ним маршировал или по коридору, или по саду. От него трудно было вырваться, пока он сам не отпускал. Я испытал это на себе. Мысли его были неоригинальны, неинтересны, а слова медленны и тягучи. Он был благочинным в академическом храме. Порядок он установил образцовый: диаконы, выходя из алтаря, — один северными, а другой южными дверями, должны были выйти одновременно, одновременно стать на амвон, одновременно помолиться и поклониться и так же одновременно удалиться с амвона в алтарь и здесь — тоже дисциплина. Каждение алтаря, иконостаса, храма двумя диаконами должно было совершаться в строгом соответствии одного с другим, кончить должны были они одновременно. Среди сослужащих тоже была строгая

22 августа 1917 г. по март 1918 г. председатель Городской Думы Сергиева Посада. В 1918—1922 гг. заведовал кафедрой славистики Киевского университета. С 1922 по 1933 г. преподавал в вузах Москвы, Твери и Нижнего Новгорода. В начале 1934 г. арестован как член «Российской национальной партии», освобожден под подписку о невыезде и погиб почти сразу после освобождения.

⁶³ Смирнов Иоанн Михайлович (1879—1937), священник, и. д. доцента (1912—1918), экстраординарный профессор (1918—1919) по кафедре Церковнославянского и русского языка с палеографией. В дальнейшем служил священником. Расстрелян.

⁶⁴ Рассейкин Федор Михайлович (1879—1951), экстраординарный (1917) профессор по кафедре Истории Греко-Восточной Церкви. 1-й магистрант LX курса (1901—1905). С 1919 г. преподавал в средних школах в Старом Осколе, Софрино, Пушкино. С 1943 г. научный сотрудник в группе Византологии при Институте Истории АН СССР. Фамилия его писалась и через «а».

дисциплина, в этом он был настойчив и вполне оправдывал свое назначение как благочинного.

[23.] *Иеромонах Игнатий (Садковский)*

Еще несколько слов о помощнике библиотекаря иеромонахе Игнатии Садковском⁶⁵. Его все звали «батюшка отец Игнатий», вероятно потому, что при разговоре он часто повторял слова: «Да, батюшка, да! Так, батюшка, так!» Как и Пантелеимон, он тоже, говорят, носил вериги, очень постился и изнурял себя... Это был совершенно непрактичный человек с детским характером, поэтому он был плохим помощником библиотекаря. Отмечалась какая-то дата в деятельности библиотекаря Константина Михайловича Попова⁶⁶, мы, студенты, даже преподнесли ему чернильный прибор. Говорят, что ректор Феодор обратился к нему по этому поводу с вопросом: «Что для Вас, К. М., сделать?» Он будто бы ответил: «Уберите от меня Игнатия!» Но Игнатий не был убран.

[24.] *Товарищи. Кружки. Распорядок дня. Прогулки*

Студенческие годы академической жизни были для меня самыми лучшими, самыми светлыми годами в моей жизни. Об этом отрезке своей жизни я всегда вспоминаю с большим удовольствием. Тут окончательно формировалось мое мировоззрение и складывался мой духовный опыт.

Студенты 1-го курса помещались в малом инспекторском корпусе и имели для занятий общую комнату. Но благодаря

⁶⁵ Игнатий (Садковский Сергей Сергеевич) (1887—1938), епископ Скопинский, свщмч., помощник академического библиотекаря (1911—1918), старший брат иером. Герасима (Садковского). 23-й магистр LXVI курса (1907—1911). Хиротонисан во епископа Белевского 5 апреля 1920 г.

⁶⁶ Попов Константин Михайлович (1872—1954), библиотекарь МДА (1898—?), находился при библиотеке МДА вплоть до 1933 г., когда ее фонды были переданы в Румянцевскую библиотеку (РГБ). Действительный студент L курса (1891—1895). У Волкова в рукописи перепутано его отчество, он назван «Петровичем».

пом. инспектора иером. Николаю я был помещен вместе еще с одним моим однокурсником Борисом Ив. Ивановым⁶⁷ (Новгородской Семинарии) к второкурсникам в комнату № 19, которую почему-то называли монашеской. В ней помещались: Николай Федорович Колчицкий⁶⁸, Сергей Васильевич Иванов, Максим Сиков⁶⁹, Феодор Вознесенский⁷⁰, Александр Ив. Щукин⁷¹ и Петр Иванович Архипов⁷². Это — второкурсники, да я еще и Иванов Б. И. — первокурсники. Всего восемь человек. Я был очень доволен, что попал в среду таких замечательных в своем роде людей.

Вот Максим Сиков всегда серьезный, всегда сосредоточенный. Он говорил медленно, с паузами между словами, несколько тяжело, несколько грубовато, но всегда веско, всегда содержательно. Лишних, так называемых красивых слов у него не было. Он был председателем студенческих кружков: проповеднического, благотворительности нуждающимся, народного просвещения и как будто еще какого-то. Эти кружки студенческие были организованы при Евдокиме и прочно остались и существовали при Феодоре. Последний к этим кружкам имел нехороший жест, но терпел их. Члены проповеднического кружка по праздникам выступали с проповедью в приходских храмах Сергиева Посада. Тут они пробовали свои силы, приобретали навык и опыт проповедничества. Такой кружок можно только приветствовать. Члены кружка благотворительности имели попечение о нуждающихся Сергиева Посада. От

⁶⁷ Иванов Борис Иванович, выпускник LXXI курса МДА (1912—1916).

⁶⁸ Колчицкий Николай Федорович (1892—1961), протопресвитер, настоятель Московского кафедрального патриаршего Богоявленского собора (с 1923), выпускник LXX курса МДА (1911—1915).

⁶⁹ Сиков Максим Андреевич (1889—1937), священник, свщмч., выпускник LXX курса МДА (1911—1915). Расстрелян.

⁷⁰ Вознесенский Федор, выпускник LXX курса МДА (1911—1915), затем священник Московского Казанского собора.

⁷¹ Александр (Александр Иванович Щукин; 1891—1937), архиепископ Семипалатинский. Выпускник LXX курса МДА (1911—1915). Хиротонисан в 1923 г. во епископа Лысковского, викария Нижегородской епархии. Расстрелян.

⁷² Архип(п)ов Петр Иванович, выпускник LXX курса МДА (1911—1915), донской казак.

последних поступали в кружок просьбы об оказании помощи. Эти просьбы рассматривались на собрании членов кружка. Сведения в просьбах проверялись на месте членами кружка и в зависимости от нуждаемости назначалась помощь, которую разносили сами члены кружка и таким образом знакомились с реальной жизнью. И этот кружок нельзя было не приветствовать как предназначенный для лиц, подготовлявшихся к пастырской деятельности. О кружке народных чтений тоже ничего нельзя сказать плохого.

О кружке благотворительности я сказал несколько подробнее, чем о других кружках, потому что сам состоял в этом кружке и знал, в чем проявлялась его деятельность.

Ректор Феодор против этих кружков никогда отрицательно не выражался, но были некоторые с его стороны жесты, едва уловимые и описать которые нельзя, свидетельствовавшие, что он только терпел это наследие Евдокима. Он не вносил свою душу в жизнь этих кружков; относился к ним он чисто формально. Это чувствовалось в служении им молебнов перед началом деятельности кружков в каждом учебном году и его слове после окончания молебна — кратко, сухом, формальном.

Всею деятельностью кружков в мое время руководил Максим Сиков и руководил последовательно, настойчиво, упрямо. Таков был его характер.

В комнате № 19 я сидел за одним столом с Сергеем Васильевичем Ивановым. Это был славный, бесхитростный, открытый, разговорчивый человек. Он увлекся литературой и хорошо ее знал. В этом отношении я от него много заимствовал.

Александр Иванович Щукин сидел за одним столом с Петром Ив. Архиповым. Они заметно дружили друг с другом. Архипов часто вышучивал Щукина, и последний принимал это благодушно. Щукин был человек порядка и дисциплины. У него был распорядок дня, благодаря чему он почерпнул знаний больше, чем, например, я. Он кроме того имел обыкновение задавать вопросы, и вопросы очень глубокие. По большей части эти вопросы были обращены ко мне.

В противоположность Щукину с его глубокомысленными вопросами Архипов был человек трезвой, практической жизни. В теоретические споры он вступал очень редко. Он был заведующий студенческим катком; поставил это дело образцово и у него по исходе сезона оказалось прибыли 150 рублей. И это несмотря на очень снежную зиму. Я как любитель катанья на коньках часто катался на катке и был в курсе жизни катка.

Вместе с Максимом Сиковым за одним столом сидел Феодор Вознесенский. Это был высокий, здоровый человек, очень добродушный, но молчаливый. Он вел запись погоды несколько лет, и у него образовался навык определять погоду. Бывало, просим его: «Федя, скажи, какая завтра будет погода?» Он посмотрит в окно и тотчас скажет. Давал прогноз погоды на летние каникулы и, помню, лето как раз и было такое, как он сказал. После Академии он принял сан священника и поступил священником в Казанский собор г. Москвы.

Четвертый стол комнаты № 19 занимал Николай Федорович Колчицкий и мой однокурсник Борис Ив. Иванов. Н. Ф. Колчицкий в студенческие годы был необыкновенно подвижным — вечно кипучим. Он был деятельным членом проповеднического кружка и все куда-то спешил, куда-то торопился. Его натура была не для усидчивой работы или учебы. Он учебу связывал с жизнью.

Я немало удивлялся тому, как он мало сидел на своем месте и все-таки успевал сделать все, что нужно. Он был душой нашего номера, т. е. комнаты № 19. Он серьезно готовился к пастырскому служению. И женился, будучи студентом, и принял священный сан диакона, а перед выходом из Академии — сан священника.

Мой однокурсник Иванов Борис Иванович был противоположностью Николая Федоровича. Это был серьезный студент, усидчивый при изучении наук. Он увлекался положительными науками, главным образом историей и языками. Борис Иванович Иванов и другой Иванов Сергей Васильевич состояли студентами Археологического Института в Москве, куда ездили сдавать зачеты и экзамены.

Вот тот круг лиц, в среду которых я попал при поступлении в Академию. Все они были образцовыми студентами, замечательными товарищами и талантливыми, каждый в своем роде, людьми. Комната № 19 была некоторым духовным центром, куда стремились студенты других комнат и других курсов. Эту комнату выделяло и начальство; оно называло ее монашеской, но, по-моему, это название очень неудачное.

Из всех студентов этой комнаты в монашество постригся только я, и вовсе не потому, что я жил в этой комнате; мысль о монашестве у меня возникла еще в университете.

В этой комнате в течение двух лет столько было споров, обсуждений разнообразнейших вопросов: богословских, философских, литературных, общественных, политических, аскетических, по женскому вопросу, что и перечислить невозможно. Я уже говорил выше об афонском споре, о Таинствах, о Гефсимании и Голгофе. Здесь небезынтересно отметить еще один возникший среди студентов вопрос — о значении Крещения Господня. Если я не ошибаюсь, виновником этого вопроса был студент младшего курса Академии священник о. Василий Теологов. Суть этого вопроса заключалась в том, что в Крещении Господнем в струях Иордана были омыты грехи всего человечества, без этого, якобы, смысл праздника Крещения как-то теряется. В этом будто бы заключалось исполнение «всякой правды». Вопрос во всяком случае интересный, но он как-то быстро вышел из поля внимания студентов. Хорошо бы его проверить по богослужебным книгам, но этого не догадались сделать.

Распорядок академической жизни общеизвестен, с 9 час. до 2-х шли лекции; кто был на лекциях, кто в своих комнатах занимался. После обеда почти вся Академия группами выходила на прогулку. Эта прогулка обычно совершалась по линии железной дороги по направлению к Ярославлю. И во время прогулок — все то же обсуждение разнообразных вопросов. В 1914 году началась Германская война, часто и много обсуждались военные события. Из нашей комнаты более всех военными событиями интересовался П. Ив. Архипов, донской казак и более всех знавший об этих

событиях. У нас тогда был быстроходный крейсер «Новик», и вот зашел спор — как нужно произносить. Борис Ив. Иванов утверждал, что надо произносить с ударением на «и», а не на «о». Все были обратного мнения. Я после не один раз возвращался к вопросу об ударении в этом слове и пришел к признанию мнения Бориса Ивановича. Пишу об этом для того, чтобы показать, как разнообразны были вопросы нашего обсуждения — начиная с великих и кончая вот этим малым.

Живя в комнате среди студентов старшего курса, я не терял связи со студентами однокурсниками. Я дружил с Володей Тихомировым⁷³, с Костей Ружицким, с Гришей Розовым (Ярославль), с Пикуновым⁷⁴ и другими.

Вот в какой кипучей обстановке прошли мои первые два года академической жизни. На третьем курсе я был уже иеродиакон. Летом 1914 года за всеобщей в праздник Петра и Павла в Зосимовой пустыне я был пострижен епископом Феодором в монашество. Незабываемы эти минуты, часы и дни пребывания в Зосимовой пустыне.

[25.] Иеромонах Матфей (Олейник)

Я уже говорил, что в течение третьего курса Академии я жил в комнате с о. Матфеем Олейник[ом]. Это был человек, совершенно лишенный интересов идейно-теоретического характера. Он был человек сугубо практических, даже утилитарных интересов. Он состоял в кружке народных чтений, и все время почти посвящал этим чтениям, возился с «Волшебным фонарем», иллюстрировал свои лекции «туманными картинками». По окончании он попал в Астрахань, по слухам вступил в члены «Союза русского народа» и продолжал свои народные чтения, но после Октябрьской революции был арестован и расстрелян.

⁷³ Тихомиров Владимир, выпускник LXXI курса МДА (1912—1916).

⁷⁴ Пикунов Александр, выпускник LXX курса МДА (1911—1915), учился на год раньше.

[26.] Иеромонах Павлин (Крошечкин)

Четвертый академический учебный год я жил в квартире пом. инспектора Н. И. Сомова. Писать кандидатскую работу здесь было очень удобно. В соседней комнате с моей помещался о. Павлин Крошечкин. За год я с ним очень сблизился. С мягкостью характера он соединял настойчивость воли. Он побывал послушником во многих монастырях. Из них помню Саровскую пустынь и Бабаевский монастырь. Последним его пребыванием до академии был Новоспасский монастырь в Москве. Батюшка о. Павлин (так все его звали) за чаем, поглаживая свою рыжую бороду правой рукой, откровенно, без утайки рассказывал, как он, не имея образования, попал в Академию. Вот его приблизительный рассказ: «Я решил быть архиереем. Буду архиереем! и все!» — При этом о. Павлин обвел всех присутствующих глазами, поглаживая свою бороду. Это — его характерное движение: «Но как быть архиереем, не имея образования? Надо кончать Академию!» И вот с этой идеей ходит о. Павлин из монастыря в монастырь, пока не попадает в Москву в Новоспасский монастырь. Здесь он через настоятеля-архимандрита Новоспасского монастыря попадает в 5-й класс Духовной семинарии в Москве, предварительно сдав экзамен за первые 4 класса семинарии. Пройдя 5-й и 6-й классы Духовной семинарии, он поступил в Московскую духовную академию. Правда, ему было очень трудно учиться. Он иногда говорил: «Я боюсь, как бы моя голова не разорвалась» — и при этом обеими руками хватался за голову, как бы предохраняя ее от разрыва. Студенты ему всячески помогали.

Он никогда почти не потел, и появление немногих капель пота у него на носу было для него настоящим блаженством.

Тогда он особенно благодушно поглаживал свою узкую и довольно длинную бородку и обводил присутствующих особенно ласковым взором.

Я не любил уху и не находил в ней никакого смысла. Но благодаря батюшке о. Павлину я понял и вкус, и смысл этого кушанья.

В минуту особенного благодушия он задал как-то нам вопрос: «Что разрешается кушать монахам?» В недоумении от такого вопроса мы начали говорить, что и как попало. А он с хитрой улыбочкой, поглаживая бородку, все спрашивал: «А еще?» Наши ответы истошались, и тогда уже он сказал: «Монаху разрешается покушать... безгрешных петушков». Общий веселый смех.

И этот человек достиг поставленной себе цели: стал епископом.

[27.] Развлечения студентов

Связей со светскими студентами, как с однокурсниками, так и в № 19 я не порывал. Прогулки совершались по-прежнему, иногда меня насильно захватывали под руки и шли на линию. Спротивляться было бесполезно. Никакие резоны не принимались.

Ко мне был как-то особенно расположен Иван А. Соловьев⁷⁵; он был выше среднего роста, худощавый, но необыкновенно сильный. Он, бывало, как завидит меня, идущего по коридору, быстро сзади нагоняет, схватывает на бегу за талию, кладет себе на плечо и тем же темпом продолжает бежать со мной по коридору. Из его сильных и цепких рук никакими усилиями нельзя было освободиться.

И вот этот Соловьев один раз вот какую проделал со мной шутку! Подхватил меня в коридоре, как обычно, к себе на плечо и во весь дух вбежал в приемную комнату, где сидели дамы и одна барышня. Сбросив меня со своего плеча на пол почти у ног посетительниц, сам он стремглав выбежал из приемной. Каково же было мое положение, одетого в скуфейку и рясу, пусть судит читатель. Трудно передать весь комплекс возникших тогда во мне ощущений. Но эта шутка не испортила наших отношений. Я немного поворчал Ивану Александровичу, а он обещал больше так меня не конфузить.

Некоторые студенты знали, что я большой любитель катка. Не помню с кем, но я поспорил, что выйду на каток и буду кататься. Но по каким-то обстоятельствам это катанье меня, монаха, не состоялось.

⁷⁵ Соловьев Иван Александрович, выпускник LXXI курса МДА (1912—1916).

[28.] Иеромонах Варнава (Беляев)

Из монашествующих я ближе всех сошелся с о. Варнавой Беляевым, который был старше меня курсом. Не помню, кто были его родители, но он получил светское образование. В первое время после пострига он предался подвигам поста и молитвы, жил уединенно и не выходил без нужды из своей кельи. Ходил он низко, опустив голову, ни на кого не глядя. На вопросы, обращенные к нему, он не отвечал, а только посмотрит на вопросителя каким-то странным взглядом и пойдет дальше, еще ниже опустив голову. За богослужением он в сане иеродиакона делал очень низкие поклоны. Получалось неприятное впечатление. Архиеп. Антоний Волинский в свой приезд в Академию даже высмеял его.

Но увлечение «византийской аскезой» у о. Варнавы было не так долго, как у Игнатия и Пантелеимона, и он довольно скоро выправился, но впал в противоположную крайность: стал читать беллетристику неважного пошиба, рассказывая не совсем скромные анекдоты, которых он знал много, интересовался юмористическими журналами. Но при всех его колебаниях, при всей его некоторой неуравновешенности, это была натура необыкновенно чистая и отзывчивая.

Мы с ним исколесили все окрестности Лавры вплоть до Хотькова и Радонежа. Над нами даже подшучивали: «Павел и Варнава отравились на проповедь». Насколько было тяжело оставаться наедине с еп. Феодором, настолько было легко быть с о. Варнавой. Он был многосведущий, начитанный как в светской, так и в духовной литературе. Я видел его потом епископом Печерским, викарием Нижегородской епархии. Тут у него были истории с иподиаконом Николаем, но все кончилось благополучно. В дальнейшем же что-то получилось непонятное: он отстранился от епархии и жил частно. Более о нем ничего мне не известно.

[29.] Иеромонахи Валериан (Рудич) и Петр (Руднев)

Судя по альбому, на нашем 71-м курсе было ровно 60 студентов. Из них двое ушли добровольцами в армию, 8 человек кончили

в сане священников и 5 иеромонахов. Остальные 45 человек светских. Иеромонахи, кроме меня и мною уже упомянутых о. Павлина и о. Матфея — о. Валериан Рудич⁷⁶ и о. Петр Руднев⁷⁷. О двух последних замечу, что они дружили между собой, читали довольно усиленно Розанова В. В., и представляли некоторого рода оппозицию по отношению к Ректору Академии, о. Петр Руднев был явным идейным противником Флоренского и все время собирался написать опровержение на его книгу «Столп и утверждение Истины». После Академии я один раз его встретил в Москве у митр<ополита> Сергия. И тогда он мне сказал, что пишет опровержение. Но, конечно, опровержения не было и не могло быть. О судьбе их мне ничего не известно.

[30.] Магистерские диспуты. Диспут Илариона (Троицкого)

Еще сделаю несколько замечаний о магистерских диспутах, бывших при мне. На защите диссертации Иларионом получился очень неловкий момент. Диссертация Илариона была приблизительно (точно не помню заглавия) о святоотеческом учении о Церкви. Главный оппонент М. Д. Муретов после многих возражений и замечаний задал последний вопрос диспутанту: «Вот Вы изложили учение отцов о Церкви. Это хорошо. Но Вы не дали определения существа Церкви. Ведь надо же привести их взгляды к единству и раскрыть в заключении библейское определение Церкви. Недостаточно для нас знать мнение отцов по вопросу о Церкви, нам надо знать, что же есть Церковь? Как по-Вашему?» Иларион, до сих пор отвечавший на каждое из возражений, при этом последнем вопросе не на-

⁷⁶ Валериан (Рудич) (1889—† после 1937), епископ Череповецкий, викарий Новгородской епархии. Выпускник LXXI курса МДА (1912—1916). Хиротонисан во епископа Проскуровского, викария Каменец-Подольской епархии, в 1921 г. В 1937 г. арестован в ссылке в Каракалпакии.

⁷⁷ Петр (Николай Николаевич Руднев) (1891—1938), архиепископ Самарский. Выпускник LXXI курса МДА (1912—1916). Был настоятелем Московского Симонова монастыря. Хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии, в 1928 г.

шелся, что ответить, и молчал. Смущенный Митрофан Дмитриевич начинает наводить его на ответ: «Да как же ап. Павел определяет Церковь?» Иларион молчит. «Да в послании к Ефессянам что он говорит о Церкви?» Молчание. И уже сам Митрофан Дмитриевич говорит, произнося раздельно слова: «Церковь есть Тело Христово. Вот определение апостольское Церкви, и его нужно бы привести и раскрыть в заключении». Для всех нас молчание Илариона на вопрос о существовании Церкви было неожиданным и очень странным.

Диспут А. М. Туберовского

О защите Флоренского своей диссертации я уже говорил. Нужно остановиться вниманием на диспуте Туберовского о Пасхальном догмате⁷⁸. Оппонентами были: Тареев и Флоренский. По словам

⁷⁸ Имеется в виду книга А. Туберовского «Воскресение Христово (опыт православно-мистической идеологии догмата)». (СП, 1916) и «Отзыв» священника Павла Флоренского о данном сочинении, поданный в Совет МДА на соискание степени магистра богословия (опубл.: *Священник Павел Флоренский*. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С.192—277). См. предисловие к примечаниям А. Г. Казаряна: «Поражающий своей глубиной и чрезвычайной обстоятельностью “Отзыв...” представляется в высшей степени важным для характеристики взглядов самого Флоренского, он позволяет лучше понять не только поздние богословские сочинения о Павла, написанные после работы «Столп и утверждение Истины», но и саму эту книгу. Может даже показаться, что в «Отзыве...» о Павле борется с самим собою, выступая против алогизма, субъективизма, психологизма и неопозволительного интимного тона при обсуждении богословской проблематики. На самом деле Флоренский был и остается сторонником богословия как «строгой науки», и эту строгость он связывает с языком, с артикулированностью богословских понятий и терминов.

Заслуживает внимания вопрос, почему А. М. Туберовский подвергся столь беспощадной критике. В «Отзыве...» нет определенных и ясных ссылок на других — за исключением М. М. Тареева — современных представителей обсуждаемой точки зрения. Тем не менее ряд замечаний свидетельствует о том, что Флоренский выступает не только против личных, индивидуальных заблуждений автора «Воскресения Христова», но и против целого направления, которое в данном случае представляет Туберовский, - направления, которое все отчетливее вырисовывается в русской богословской мысли. Фактически — это обновленчество с программой ревизии «схоластического богословия», понимаемого столь широко, что все святоотеческое наследие оказывается включенным в него. Этот опыт переоценки ценностей, затронувший и

Флоренского, Туберовский при писании своей монографии сначала ходил консультироваться к Флоренскому. Последний счи-

русскую богословскую литературу, был в сущности перенесением на почву богословия тем и методов «нового религиозного сознания» — течения, распространявшегося в России с начала века. Мысли Туберовского, кажется, мало чем напоминают религиозно-философские схемы Д. С. Мережковского и Н. А. Бердяева о Третьем Завете и третьем откровении как откровении Святого Духа, но и у Туберовского мы находим «принципиально новое откровение», что составляет первый и основной тезис его «Воскресения Христова». Своих симпатий Туберовский не скрывает: в философии — это учение Джеймса о «мистическом разуме», в богословии — труды А. Д. Беляева (его учителя), П. Я. Светлова и, в особенности, М. М. Тареева, чью работу «Философия евангельской истории» он называет «гениальным творением» и «исключительным фактом Русской Теологии» (С. 87—89).

В октябрьско-декабрьском номере «Богословского вестника» за 1917 г. Туберовский опубликовал статью с многозначительным названием «Обновление человечества». Не останавливаясь на политической стороне этого «розового христианства», оправдывающего события февраля 1917 г., отметим внутреннюю связь этой расплывчатой идеологии с его «динамическим богословием». А. М. Туберовский еще не знал, что ему суждено стать одной из многочисленных жертв этого «обновления». <...>

Заседание Совета Академии, на котором обсуждалась магистерская диссертация Туберовского, состоялось 2 мая 1916 г. При голосовании, за исключением двух — свящ. Флоренского (первого рецензента) и свящ. Гумилевского, все члены Совета, в том числе и проф. М. Д. Муретов (второй рецензент), поддержали предложение ректора Академии епископа Феодора «о необходимости исправления диссертации не в предполагаемом втором, а в настоящем первом издании» (Богословский вестник, февраль-март, 1917. С. 49).

На наших сведениях, А. М. Туберовский не подчинился решению Совета Академии и не стал переделывать свою работу. Книга А. М. Туберовского «Воскресение Христово» была издана в Сергиевом Посаде в 1916 г. тиражом в одну тысячу экземпляров. Происходившие в стране и в МДА начиная с 1917 г. события фактически сделали решение Совета Академии недействительным. 11 марта 1917 г. умер профессор Митрофан Дмитриевич Муретов. Магистерский диспут был назначен на октябрь 1917 г., вторым рецензентом вместо М. Д. Муретова стал профессор М. М. Тареев. Повторный магистерский диспут, проходивший в течение двух дней (10 и 11 октября 1917 г.), был одним из самых острых за всю историю МДА. После утверждения в степени магистра Туберовский в ноябре 1917 г. был избран сверхштатным экстраординарным профессором, а работа его «Воскресение Христово» была удостоена премии митр. Макария (289 руб.) Точно такую же премию получил Флоренский за свое знаменитое магистерское сочинение» (Там же. С. 750—751. См. также «Начала», 1993. № 4. С. 77—82).

тал, что Туберовский пишет в духе указаний его, Флоренского. Но что же оказалось? Туберовский написал монографию в духе Тареева, а к Флоренскому ходил для того, чтобы узнать точку зрения Флоренского и передать эту точку зрения Тарееву. Тареев же, очевидно, решил воспользоваться диспутом Туберовского, чтобы свести счеты с Флоренским как с идейным своим противником. Заручившись нужными сведениями, Тареев в качестве оппонента стал вместо разбора диссертации делать выпады, и очень грубые, против Флоренского. Ф. Д. Андреев даже встал и в негодовании попросил ректора Академии призвать Тареева к порядку. Тареев был призван к порядку, но в дальнейшем снова стал бросать камни в чужой огород. Андреев еще раз протестовал, а на третий раз уже не выдержал и демонстративно покинул актовъ зал со словами: «Здесь невозможно больше оставаться!» Дело затянулось. Подошел обед, и продолжение диспута было отложено до следующего дня. Флоренский после этого не хотел выступать оппонентом, но его уговорили. Он написал разбор диссертации «О пасхальном догмате», вероятно, немного меньше самой книги. Начал он так: «Мне бы хотелось сравнить Вашу диссертацию со сказкой Андерсена «Гадкий утенок», но ... только в хорошем смысле»⁷⁹.

⁷⁹ В «Архиве священника Павла Флоренского» сохранилась рукопись (19 страниц), подготовленная о. Павлом к диспуту А. М. Туберовского. Приводим начало этой рукописи: оно проливает свет на скандал, связанный с жалобой А. М. Туберовского на свящ. П. Флоренского (о «гадком утенке», который послужил поводом для этого скандала).

«К диспуту А. М. Туберовского
1917. X.9. Серг. Пос., утро.

1. Глубокоуважаемый А. М.! Вопреки обычаю нашей Академии, согласно которому должен возражать сперва старший по возрасту и службе, а потом уже младший, мне приходится выступать первым. Причина тому — просьба, настойчивая просьба Мих. М-ча (Тареева), который опасается, что мои возражения могут затянуться и, если я буду говорить вторым, утомят его, почему и требуется мне говорить именно первым. Сила логичности этой просьбы бесспорно велика. Приходится утомиться мне от возражений М. М-ча. Но, впрочем, я надеюсь, что утомлюсь не настолько, чтобы не выступить после М. М-ча уже частным оппонентом. Заранее выговариваю себе право слова у о. председателя [чрзб.]. Но беда в том, что, будучи первым, я вынуждаюсь тем самым к похвальному вступлению о Вашей книге. Роль,

И дальше начал разбор диссертации с запятых и кавычек; последних было много в диссертации, поставленных кстати и некстати, так что можно было понять чисто догматические православные термины в их несобственном смысле и даже как насмешку. От этих кропотливых возражений стало тошно Тарееву и он, не дождавшись идейной части, демонстративно покинул зал. Подошло время обеда. Сделали перерыв с тем, чтобы вечером возобновить диспут, причем просили Флоренского сделать идейные критические замечания возможно кратко.

Вечером снова собрались на диспут. Флоренский уже не раскрыл свою тетрадь и не садился на стул, а стоя у стола и опустив глаза долу, слегка покашляваясь вперед — характерная его поза, — в течение, как мне кажется, приблизительно полутора или двух часов сделал свои возражения. Тареев отсутствовал. Публики было много. Тишина была абсолютная. Тихий и мягкий голос Флоренского был слышен везде.

При рассмотрении диссертации Туберовского он привлек все данные науки, как богословского характера, так и естественно-матема-

на которую, как оказалось, я мало способен. Вы припоминаете, что в своем отзыве, стараясь объяснить и выгородить некоторые недостатки Вашей работы, я имел неосторожность назвать ее «гадким утенком». Вы изволили обидеться на меня. Об этом моем проступке было доложено и ревизору с заявлением, что мой отзыв был написан преднамеренно так, что Св. Синод якобы должен был на основании его отказать Вам в степени. Последнее, выражаясь корректно, «не соответствует действительности». Но я должен покаяться, что, действительно, в своем отзыве старался парировать мнения из слышанных мною возражений на Вашу книгу, выступал Вашим защитником, вместо того, чтобы быть нейтральным, — и за это был наказан. Что до «гадкого утенка», то мне, право, непонятно, почему Вы самостоятельно пришли к пониманию этого сравнения как обидного для себя? Ведь Вы помните сказку Андерсена о молодом лебедь, вылупившемся среди утят, который был нескладен и главное не походил на утят, и за это получал презрительные взгляды, а потом развернулся лебедь. После уже я сообразил, что подобное сравнение бестактно; но отнюдь не в отношении к Вам, ибо быть молодым лебедь, хотя бы и обижаемым, лестно всякому, а в отношении к нашим товарищам, словно Вы и в самом деле гуляете среди коллег, как лебедь среди уток. Вот почему я счел извиниться в этом своем сравнении и беру его обратно. Итак, мы все утятя, но и Вы — не более, чем утенок, но отнюдь не лебеденок» («Начала», 1993, № 4. С. 82—83).

тического. Как сейчас слышу его фразу: «Вы думаете, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая, а на самом деле кратчайшее расстояние между двумя точками — кривая; по крайней мере опыт святых дает основание так думать, да и сферическая геометрия». Суть возражений сводилась к тому, что нельзя в таких терминах и в такой концепции излагать догмат о Воскресении, но, принимая во внимание труды автора, рецензент склонен признать его диссертацию заслуживающей степени магистра.

Так предательски гадко поступил Туберовский с Флоренскими и так благородно и чисто по-христиански отнесся к нему Флоренский.

Так кончилось это знаменитое единоборство «Давида» Академии с ее «Голиафом». И, конечно, «праща» Флоренского вдрызг разбила концепцию Тареева — Туберовского, которая по существу ведет к отрицанию догмата Воскресения. Речь Тареева ни в какое сравнение не могла идти с речью Флоренского. Это чувствовали все.

Признание Флоренским Туберовского достойным степени магистра была милостью победителя⁸⁰.

⁸⁰ Сохранилось еще одно описание «диспута Туберовского» в воспоминаниях студента С. А. Волкова.

«Самым любопытным был диспут Туберовского. Этот диспут продолжался два дня — 10 и 11 октября (ст. ст.). По своей длительности — он был единственным за всю историю Академии! Сначала рецензентами были назначены профессора Муретов и Тареев, но после кончины Муретова его заменил Флоренский, который выступил со своими отзывами в первый день диспута. Мои друзья — монахи Феодосий, Панкратий и Порфирий — заранее говорили мне, что этот диспут будет очень интересным.

Хотя Туберовский и поставил своей задачей — дать мистическую апологию догмата Воскресения Христова, но понимание самого мистицизма у Туберовского было не такое, как у Флоренского.

Последний базировался, главным образом, на мистике святоотеческой, а Туберовский исходил преимущественно из мистики философской, основываясь а трудах Бергсона, Бугру, Джемса и других западных мыслителей. Кроме того, он считался учеником и как бы продолжателем Тареева в области богословия. <...>

О. Павел сначала указывал мелкие ошибки и погрешности, фактического и стилистического порядка, а затем уже перешел к рассматриванию умозрений диссертанта.

[32.] Защита диссертации иеромонаха Варфоломея

Защита диссертации иером. Варфоломеем Ремовым, написанной на тему: «Книга пророка Аввакума», не представляла ничего интерес-

Помнится только общее впечатление от отзыва Флоренского, в котором он упрекал Туберовского в некоторой поверхности понимания мистицизма, в сухом, чисто профессорском (на немецкий лад) подходе к этой проблеме, в недостаточном использовании мистики восточной, особенно православной, что делало его труд, по замечанию Флоренского, похожим на «Многообразие религиозного опыта» У. Джемса, который тщательно изучил субъективный религиозный опыт даже незначительных сектантских деятелей, но совершенно не затронул тех богатств, которые имеются в «Добротолубии» и вообще в святоотеческой письменности.

Возможно, я неточно высказываю здесь мысли Флоренского, но почти полувековой перерыв заставил забыть многое, а тем более детали отвлеченной мысли и творческого понимания.

В первый день на диспуте председательствовал <архиепископ> Арсений Новгородский. В течение всего дня был заслушан отзыв одного Флоренского. Продолжение диспута было перенесено на следующий день. На продолжении диспута архиепископ Арсений уже не присутствовал.

«Владыка думал, наверно, — говорил мне впоследствии Глаголев, — что диспут «провернут быстро» в какие-нибудь четыре-пять часов, как в его времена, но оказалось, что «автономная» Академия захотела показать, что у нее «не иссяк порох в пороховницах» и устроили такое словопрение, какого не запомнят не только академические старожилы, но и летописи».

Высокий гость, думается мне, потом, возможно был доволен, а может быть, и сожалел, что не остался, узнав о событиях второго дня...

Этот день начался выступлением Тареева со своим отзывом. Стоит отметить маленькую деталь.

Обычно во время таких выступлений оба рецензента сидели рядом за небольшим столиком возле старинной елизаветинской кафельной печи, напротив магистранта, который стоял на кафедре перед ними. Но уже в первый день Флоренский сидел за этим столиком в одиночестве. Другой рецензент — Тареев поместился за большим столом вместе с остальными профессорами.

Когда же во второй день Тареев сел за столик рецензентов, то тоже оказался один, так как Флоренский сел, как и он накануне, вместе с профессорами.

На этот раз председательствовал незадолго перед этим ставший протоиереем избранный Советом ректор А. П. Орлов.

Тареев начал свой отзыв с указания тех разделов и отдельных мыслей диссертации, которые он считал неправильными. Таковых оказалось немало, хотя все считали Туберовского его единомышленником.

Но потом Тареев перешел к обсуждению принципиальных проблем, заговорил

ного. Это — чисто компилятивная работа, сделанная на основании немецких исследований.

Если и были еще какие магистерские диспуты, то они ничего оригинального не представляли.

вообще о характере русского богословия, отмечая его положительные стороны, а также и недостатки.

Отчасти это были те же мысли, что был им опубликованы в статье «Новое богословие». Там он говорит: «Откровенно ставил святоотеческое учение выше слова Божия Леонтьев. Из самого последнего времени эффективным образчиком лукавого применения принципа отечества является книга священника Флоренского «Столп и утверждение Истины». И в заглавии книги, и в ее тексте автор афиширует церковные святоотеческие источники, но книга его в своем содержании не имеет ни одной черты христианской философии: это ни что иное, как спиритическая философия. Под флагом церковно-отеческим он излагает лишь свою философию <...>

У Флоренского, по справедливому наблюдению его рецензента архимандрита Никанора, — все дело сводится к личному усмотрению в деле выбора даже и отцов», так что «внешнее совпадение его с буквой отдельных мест произведений литургической и патристической письменности церковной, пропущенных сквозь призму личного их понимания или истолкования нашим автором, — едва ли гарантирует доброкачественность богословствования о. Флоренского».

И вот Тареев, говоря о русском богословии за последнее столетие, ставил ему в заслугу его стремление к предельной ясности, использование методов критического мышления, уклонение от «модных» в последние годы псевдомистических течений, вроде теософии и антропософии.

«Печальным исключением среди всех научных богословских трудов числится книга священника Флоренского — «Столп и утверждение Истины!» — подчеркнуто сказал он.

Тотчас к ректору (А. П. Орлову) обратился друг и единомышленник Флоренского Ф. К. Андреев: «Отец Анатолий! Прошу Вас оградить Павла Александровича от незаслуженных оскорблений!»

Отец Ректор встал и, обращаясь к Тарееву, сказал: «Михаил Михайлович, прошу Вас в Вашем отзыве держаться ближе к его теме, к рассмотрению диссертации Александра Михайловича Туберовского, не переходя на личную почву и не затрагивая отдельных лиц».

Тареев отмахнулся, как бы о назойливой мухе, и продолжал свою речь в том же духе, не называя некоторое время имен. Но вдруг у него прорвалась такая фраза: «Та наглость, с которой священник Флоренский...»

Он не успел закончить фразы, как Андреев вторично и уже резким тоном воскликнул: «Отец Анатолий!»... Но тут его перебил вставший Флоренский: «Отец Ректор! Я должен сказать, что несмотря на указанные мною недочеты, я все же

[33.] Ректор епископ Феодор: его деятельность по преобразованию МДА

В заключение своих воспоминаний об Академии необходимо вернуться опять к главе ее, т. е. к ректору еп. Феодору.

К сказанному выше нужно еще добавить, что от природы он был стеснительный и об этом он сам как-то нам сказал. Среди лиц, к которым он привык, он чувствовал себя непринужденно, был разговорчив, шутлив, но в сообществе лиц мало или вовсе не знакомых, он чувствовал себя натянуто и эту натянутость сообщал и своим сообщникам. Отсюда сама собой вытекает и другая его черта — уединенность. Он был человек необщественный, некомпанейский, каким был, например, Иларион. Еп. Феодор чувствовал себя в своей тарелке только в узком кругу известных ему близких лиц. Он не показывал и не любил

считаю диссертацию Александра Михайловича Туберовского достойной ученой степени магистра богословия и еще должен заявить, что мое дальнейшее присутствие на данном коллоквиуме считаю совершенно излишним!»

После этого он быстро вышел из-за профессорского стола и направился к выходу из актового зала.

Тотчас за ним встали и вышли из зала профессора-монахи и священники, а также светские профессора, принадлежавшие к антитареевской группе.

Ректор, начавший было что-то говорить, оборвал свою речь и направился вслед за ними.

Тут встали и остальные профессора и вышли тоже из зала. Последним медленно вышел в одиночестве Тареев.

В это время раздались шумные аплодисменты со стороны студенчества, наполнившего зал. Я и тогда не мог понять, кому студенты выражали свое сочувствие — Флоренскому или Тарееву. И потом, как я ни расспрашивал других об этом, я слышал самые противоречивые суждения.

Диспут прервался. Студенты тоже начали расходиться, возбужденно беседуя и споря.

Потом я узнал, что в профессорской комнате Тарееву было предложено (кем, точно не знаю, кажется Советом Академии) извиниться перед Флоренским. Он извинился, в каких выражениях, опять-таки не знаю, но говорили, что извинение было таково, что не только не улучшило, а напротив — ухудшило положение дела.

Кое-как в профессорской закончился коллоквиум, и А. М. Туберовскому, глубоко расстроенному случившимся инцидентом, было присуждено звание магистра.

Так прошел и закончился этот уникальный в своем роде диспут!» (цитируется по авторскому машинописному экземпляру «Воспоминаний о МДА» С. А. Волкова).

показывать свою личность. Благодаря вот этим указанным чертам характера он и производил впечатление аскета, хотя вид его вовсе не был аскетический. Он питался, по-видимому, хорошо. Так дают основание думать и слова Герасима, обедавшего у владыки Феодора, только не помню, по поводу чего они были сказаны, возможно по поводу оставления его стипендиатом, но точно помню его слова: «Я бы согласился при условии, чтобы мне был ректорский стол».

Владыка Феодор не прочь был послушать иногда двусмысленные и даже пикантные анекдоты и историйки, чем вообще интересовались монахи Академии и что свидетельствовало о наличии одного недостатка, который я назвал бы «словесным рукоблудием». Этим пороком особенно был заражен о. Варнава⁸¹.

Справился ли вл. Феодор с той задачей, которая ему была поставлена, т. е. привести Академию в православный вид? Внешне — да, но внутренне — нет.

Преобразовать Академию в православный вид — это задача громаднейшая. Он не мог ее осуществить и как личность, <ограниченная> узким кругом лиц, и как человек, не обладавший какими-либо особенными познаниями или особым мировоззрением, и как монах без надлежащего собственного духовного опыта. Все у него было заимствовано или из книг, или от людей, под влиянием которых он был. Кроме ректора Вифанской семинарии вл. Феодор был под очень большим влиянием у архим. Симеона⁸², сидевшего на

⁸¹ Иеромонах Варнава (Беляев), см. примеч. 6.

⁸² Симеон (Холмогоров) (1872—1937), архимандрит. 1-й магистрант XLIV курса (1899—1903) Казанской духовной академии, учился на 3 курса младше Феодора (Поздеевского), с 1906 г. был при его ректорстве в Тамбовской семинарии инспектором, а затем преемником. 7 апреля 1907 г. около 9 часов, в субботу, на архим. Симеона было совершено покушение. Выстрелом в спину ему повредили позвоночник, и до конца жизни он оставался прикованным к постели, что не помешало большевикам расстрелять его. Близкий друг епископа Феодора, пребывав рядом и в Сергиевом Посаде, и впоследствии в Московском Даниловском монастыре. На высказанном здесь отношении к нему сказывается характерная для П. Волкова недооценка аскетизма и вообще монашества.

тележке. В семинарии ему выстрелили в спину. Нижняя половина тела его была парализована, и он тем самым был посажен до конца жизни на тележку. За ним ухаживал иеродиакон Николай. Кто же из них двоих был подвижником? Николай, но не Симеон — таково мое впечатление. Впечатление от личности архим. Симеона у меня было для него очень неблагоприятное. По-моему (хотя я не был одинок в таком впечатлении), у о. Симеона не было собственного духовного опыта, все у него было «теоретическое», вычитанное из книг, но он сам не думал так о себе и, имея ранение, взялся руководить живыми душами. И получилось не руководство, а уродство.

Вот этот архим. Симеон, часто бывавший у вл. Феодора в Академии, имел на него громадное влияние, и это влияние, по мнению не только меня одного, было отрицательным. Возможно, вл. Феодор был бы не таким, если бы не было влияния архим. Симеона. Прикованный к тележке, он как-то сковал его инициативу, его самобытность, внедрив в него индивидуалистический взгляд на подвиг спасения: «Спасись только ты, а около тебя тысячи спасутся»⁸³. Эта фраза была довольно ходкой в то время. Но при этом забывалось, что Церковь есть Тело Христово (Еф. 1, 22—23), что верующие, связанные любовью, должны составлять тело, организм, и каждый должен занимать в нем определенное место и нести определенные функции. Забывалось главное, что «искать полезного для общества есть верх совершенства» (Златоуст). Когда кто падает из нас, он падает один, но никто один не спасается. Вот это стремление отъединиться от людей, живя среди них, этот крайний индивидуализм, осуществляемый на общественной работе, и был главным недостатком владыки Феодора. Вот почему вл. Феодор после Академии не пошел на кафедру, а замкнулся опять в раковину, как улита, т. е. снова замкнулся в кругу немногих лиц в Даниловом монастыре г. Москвы, куда приехал на жительство и архим. Симеон со своим келейником Николаем. Епархия потребовала бы проявления инициативы, широкой общественной и церковной деятельности. Но

⁸³ Искажение выражения, которое восходит к преподобному Серафиму Саровскому «Радость моя, радость моя, стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи людей».

как раз влад. Феодор не обладал своей собственной инициативой и боялся общественной деятельности. И... замкнулся в скорлупу. И дальнейшая его жизнь была бегством от жизни.

Он мог бы быть светильником, стоящим на свещнике, если бы в свое время не имел отрицательного влияния о. Симеона в духе крайнего индивидуализма, благодаря чему он был светильником только под спудом. Хотя о себе и о своей деятельности вл. Феодор был очень высокого мнения, но в сущности он не сделал и того, что мог сделать и в Академии, и вне ее. В Академии он навел чисто внешний порядок. Либерализм и в профессорах и в студентах стал лишь меньше проявляться вовне. Он, например, много постригал в монашество, но его задачей должно было быть, чтобы монахи были образцовыми студентами, показателями примерной дисциплины, но этого как раз и не было. Я уже говорил, что каждый из нас после пострига был предоставлен самому себе. В сравнении со светскими студентами монахи пользовались некоторыми преимуществами, но учебу вели неудовлетворительно. Монахам можно было совсем не заниматься и переходить с курса на курс. Большинство, действительно, плохо занимались. На лекции не ходили, вставали поздно, богослужение в будние дни не посещали. Все это мог и должен был устранить еп. Феодор, т. е. сделать монахов примерными студентами. Но тогда меньше стали бы постригаться! Была погоня за количеством в ущерб качеству. Была цель, по примеру католичества, занять все руководящие посты и даже преподавательство в духовных школах академическими монахами. Поэтому и представлялось каждому монаху жить так, как ему хотелось.

[34.] Критическая оценка старой МДА

Флоренский не раз говорил и где-то даже написал: «К стыду нашему, мы до сих пор не имеем литургического богословия!»⁸⁴ Другими

⁸⁴ Ср.: «Докладную записку <о кафедре агиологии>» (БВ 5—6. 2005—2006. С. 465—471), а также окончание части I «Страх Божий» // Павел Флоренский, свящ. Собрание сочинений. Философия культа. М., 2004. С. 48—49.

Ср. эмоциональные воспоминания об МДА архиепископа Феодора в пересказе А. Ф. Лосева (запись 1971 г.): «В начале 30-х годов я тут встретил в одном месте,

словами — мы не имели и не имеем православного богословия. По примеру Запада мы научились рассуждать о догматах, о заповедях, о канонах, но были далеки от того, чтобы жить этими догматами, заповедями, канонами. Вся система преподавания была, как и на Западе, чисто рационалистическая. Богослужение, жития святых

не слишком официальном, бывшего ректора Духовной академии, епископа Феодора. Реакционер, твердый, все семинаристы трепетали. В него стреляли в 1905 году. На суде над стрелявшим епископ Феодор сказал только: «Я прошу этого постановления не принимать, а молодого человека отпустить на волю». Так властно, так твердо сказал, что этого молодого человека отпустили, и он так и пошел, как ни в чем не бывало.

Компания, в которой я оказался с епископом Феодором, не очень казенная была. «Как Вы такого декадента и символиста, как Флоренский, поставили редактором “Богословского вестника”, — я спросил, — и дали ему заведовать кафедрой философии?» — «Все знаю. Символист, связи с Вячеславом Ивановым, с Белым... Но это почти единственный верующий человек во всей Академии!» — «Как так?»

— «Судите сами. Богословие читает профессор Соколов. Патрологию — Иван Васильевич Попов. Психологию Иванцов. Настолько все захвачены наукой, немецкой, тюбингенской, что начинают комментировать текст Священного Писания — и разносят его до основания. Например, в Евангелии есть фраза: «Крестяще их во имя Отца и Сына <и Святого Духа>». Тюбингенская школа говорит: позднейшая вставка, результат редактирования в IV веке, на Втором Вселенском Соборе. И так далее. Получается в конце концов, что весь евангелист состоит из одних вставок: это — отсюда, это — оттуда, это — из Индии, то — из Египта. Срам! Но я Вам скажу, что недавно найдена армянская рукопись II века, там эти слова именуются... Флоренский — один верующий из всех». — «Да он же декадент, и светский человек!» — «Да! Но вот лично я утвердил «Столп и утверждение истины» для защиты в качестве магистерской диссертации. Едва отстоял, ездил специально в Киев, добился принятия. И я его сознательно назначил на кафедру, потому что он единственный верующий человек в Академии. 1905—1911 годы вообще наказание Божие. Когда я стал ректором Академии и познакомился с тем, как ведется преподавание, со мной дурно было. Такой невероятный протестантский идеализм — хуже всякого тюбингенства. Тареев, например, пишет «Самосознание Христа». Самосознание! А личность Его была? Ничего об этом не говорит». Вот тебе эпизод. Интересно? Вот Духовная Академия накануне развала.

Епископ Феодор умный. «В Академию приезжал митрополит Макарий, старец восьмидесяти лет. В богословии разбирался. Но его беда была — семинарист, не получил высшего образования. Тем не менее постепенно дошел до митрополичьего сана. Духовной Академии он боялся. Все же приехал, выразил желание посетить занятия. С дрожью в руках даю ему расписание. Что выберет? А и выбирать-то

были для православного сознания мертвым капиталом, лежащим под спудом. Уж если не литургическое богослужение, то хотя бы предметные указатели к богослужебным книгам, к житиям святых были составлены! Тогда бы можно было воспользоваться каждому желающему богатством проявления духовной жизни. И кому бы такую работу поручить, как не монахам! Но этого элементарного и очень нужного не сделано, между тем болландисты на Западе издали до ста томов — фолиантов, куда вошли все известные редакции житий святых с переводом их на латинский язык и с предисловием. Митрополит Макарий проделал такую же огромнейшую работу по собиранию житий и церковной письменности, пользуясь трудом рукописцев, а мы не смогли до сих пор перепечатать этот изумительный труд. И это при всех богатствах, которыми владели раньше наши епархии и наши монастыри?!

Мы больше кичились Православием, чем им жили, мы больше рассуждали о догматах, чем ими жили. А ведь догматы даны имен-

нечего, ведь это же вертеп! Застенок! Выбирает — «психология». Я ахнул. Психологию ведет профессор Павел Петрович Соколов. Владыка думал — будут говорить о душе, что-то важное. Пришел, сидит, слушает. Ну, во-первых, душа набок, никакой души нет, «мы изучаем явления психики», вульгарный материализм. Сегодняшняя лекция — тактильные восприятия. И пошел — булавоочки, иголки, рецепторы, ощущения. Проводит опыты, вызывает студентов. И так вся лекция. Вышли. Смотрю, митрополит идет с поникшей головой, серое лицо. «Владыка святейший! — говорю ему (все архиереи — владыки), — я вижу, у Вас неблагоприятное впечатление. Зайдите ко мне, я Вам все расскажу. Не обращайтесь внимания, владыка, на этих дураков. Это не профессора Духовной академии — это дураки Духовной академии. И как он смел при Вас излагать всю эту пакость! А знает, что Вы его начальство!» «Да, да... я, убогий, не понимаю...», — говорит Макарий. «А тут и понимать нечего! Все вздор!» Так и пошел митрополит оскорбленный, огорченный; я не смог его утешить. Ведь чтобы бороться с Соколовым, всю сволочь надо разогнать. Так этот Соколов и остался на кафедре. И — до самой революции, когда революция его разогнала».

Вот состояние развала накануне революции! Да, Флоренский символист, но в вере он не равнодушный человек, искатель. Старое ушло; Пушкин, Лермонтов, они правду говорили, да они были давно, а тут на дворе двадцатый век. Официальная Церковь повторяет старое, интеллигенты отошли от веры, а Флоренский и со всеми декадентами был близок, и искал новых путей в вере».

но для жизни, а не только для рассуждения. В Академии мы научились распознавать все неправильные извороты мысли, уклоны ее, все ереси мысли, но у нас совершенно не было понятия об ереси действия. Выходит, нужно было зачеркнуть все пять богословий и создать одно. Но никакому Феодору этого сделать нельзя было. Ведь погибали же Бухаревы и торжествовали Аскоченские! Но пришла новая жизнь и просто-напросто закрыла Академии, чтобы вместе них создать новую Академию, отвечающую запросам и задачам новой жизни.

Составил А. Волков.
28 января 1950 года

II. ПИСЬМА ИЕРОМОНАХА (ВПОСЛЕДСТВИИ
ЕПИСКОПА) ПАВЛА (ВОЛКОВА) СВЯЩЕННИКУ ПАВЛУ
ФЛОРЕНСКОМУ. 1916—1927 ГГ.

[1]

Иеромонах Павел Волков — священнику Павлу Флоренскому,
25 июня 1916.

Дорогой о. Павел!

Сердечно поздравляю Вас с днем Ангела, молюсь о Вашем здорьеве и спасении...

Я снова в тех местах, где мне пришлось прожить мучительные годы. Ведь детство и отрочество я провел на горах; там я и родился; о том времени и о тех местах — мои лучшие воспоминания. Как ни хорош лес тенистый, а меня всегда тянет в поле, в родное поле, особенно в ржаное, на открытое место, на простор, откуда видны убегающие дали. Во мне должно быть горный (о если бы и горный) дух.

16-ти лет я попал в леса. Сплошная стена леса вокруг, отсутствие горизонта, синеющих далей, частые дожди, более низкое небо (облака в ненастье идут почти над самым лесом, по крайней мере кажется, что они вот-вот заденут за верхушки деревьев) — все это резко отличается от того, что я с детства привык воспринимать на горах. Вместо необъятного (впрочем, объятного), стройного, убега-

ющего в высь голубого небесного купола здесь видится синеватое плоское пятно; вместо холмистой, изрезанной лучами и оврагами, с рощами из орешника, местности — плоская равнина, заросшая хвоей.

С переселением сюда я связываю начало своих юношеских сомнений, а потом мучительной борьбы, исканий, увлечений. Значительную (впрочем нет, еще не знаю) долю влияния на все это я приписываю именно местности. Быть может, я не прав в этом своем мнении, но одного нельзя отрицать, что в характере природы в лесах и на горах есть заметная разница, особенность. Об этом можно судить уже по «роману» Мельникова (Печерина)⁸⁵: «В лесах и на горах».

В новом своем состоянии мне особенно интересно было побывать здесь, чтобы на месте проверить свои мысли. И вот я говорю себе: «Да, это так...»

Все домашние были очень рады видеть меня. В семейном кругу, за разговорами пока не чувствуется резко отсутствие куполообразности неба и проч., и время идет быстро. Отдыхаю в полном смысле слова. Том Mign'a лежит почти не тронутый. Воспоминания еще не начинал писать, хотя внутренний процесс воспоминаний идет давно. Копаюсь в огороде, в саду, хожу за грибами с Витей⁸⁶; часто всей семьей отправляемся гулять в лес, который начинается почти от нашего дома.

Витя благодарит Вас, о. Павел, за подарок и хотел написать Вам письмо. Намереваюсь погостить дома подольше; придется писать владыке. Я пред отъездом его не видел; он был в Москве. Мои родные были весьма удивлены, когда я сказал им, что для Вас нужно 5 пудов белых сушеных грибов; что тут удивительного я не знаю, но только они вселили в меня сомнение, не спутал ли я цифру 5 с чем-нибудь другим; думается, что нет. Белых грибов пока нет, должны скоро появиться.

⁸⁵ Так в тексте. Надо: Мельников-Печерский, «В лесах» и «На горах» не один роман, а два разных.

⁸⁶ Витя — младший брат иеромонаха Павла (Волкова).

Кланяйтесь, о. Павел, всем Вашим домашним по имени. Написали ли статью? Вам следовало бы отдохнуть.

Любящий Вас иеромонах Павел.

25-го июня 1916 года.

Письмо не было отправлено до 28-го дня, не было okazji. Витя написал Вам письмо, но заболел лихорадкой. Просил Вам кланяться. Напишет после.

[2]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 10 июля 1916 г.

Дорогой отец Павел!

Посылаю Вам почтой кустиков земляники и клубники. Приготовьте для них отдельные грядки, как можно лучше разрыхлите землю и посадите кустики. Поливку они любят. В августе у Вас будет крупная, душистая земляника. Клубника будет на следующий год.

В Академию приеду, вероятно, к Успению Божией Матери. Сейчас идет сенокос; я кошу клевер, траву, благодаря этому укреплюсь физически.

Из газет узнал о смерти Сергея Ив. Смирнова⁸⁷; известие было неожиданным. Если найдете свободное время, напишите. Кланяюсь всем Вашим.

Любящий Вас иеромонах Павел.

10-го июля 1916 года.

[3]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 28 ноября 1916 г.⁸⁸

Дорогой о. Павел!

⁸⁷ О С. И. Смирнове см. примеч. 49.

⁸⁸ Записка датируется по надписи П. А. Флоренского на конверте: «1916.XI.28. Серг. Пос.».

К сожалению, я не могу сейчас придти к Вам ни ко всеобщей, ни после всеобщей; ко мне приехали гости из наших краев, и мне необходимо быть с ними.

Любящий Вас иеромонах Павел.

[4]

Иеромонах Павел (Волков) — Василию Флоренскому⁸⁹, январь 1917 (?) г.

Дорогой Василек!

Сердечно поздравляю тебя с днем Ангела⁹⁰; молюсь, чтобы Ангел Хранитель твой неотступно был с тобою; желаю, чтобы Василий Великий, как конкретное явление на земле твоего Ангела, был для тебя всегдашним образом жития⁹¹.

Кланяйся от меня Кате, Кире и Нине⁹².

Любящий тебя иеромонах Павел.

[5]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 21 сентября 1917 г.

Дорогой учитель мой!

Нужно ли — говоря объективно, — или не нужно мне писать отчет о стипендиатском годе — я не знаю. Но одно я знаю несомненно, что, если я и должен кому-либо отдать отчет о своих занятиях, то *только* тебе, тебе *одному*. Потребность именно *в этом отчете тебе сейчас* особенно остро переживается моим сознанием. Почему? Сам не знаю. Скажу только, что мною сейчас владеет

⁸⁹ Письмо адресовано старшему сыну отца Павла Василию (1911—1956).

⁹⁰ Именины Василия — 30 января, на праздник Трех святителей.

⁹¹ Несомненно, мысль, усвоенная через отца Павла Флоренского. См. его работу: Имена // Собр. соч. в четырех томах. Т. 3 (2). М., 1999. С. 187—189.

⁹² Катя и Нина — дети священника Александра Михайловича Гиацинтова (брата Анны, супруги отца Павла), который в то время жил в доме Флоренских в Сергиевом Посаде. Кира (1915—1982) — второй сын отца Павла.

чувство отрешенности от мира, — владеет, добавлю, в сильной степени. Какая связь существует между *этим* чувством и *той* потребностью, не могу сказать. Эта связь и для меня не ясна, но *что она есть* — несомненно.

Итак, что я сделал за стипендиатский год? Вот вопрос, на который я хочу ответить и который без ответа я не могу оставить. Разно, конечно, можно отвечать на поставленный вопрос. Некоторым, вопрошавшим о сем, я имел дерзость отвечать коротко и ясно. Спрашивали: «Ну как, отче, много седдал за этот год?» Я отвечал: «Много». — «Ну, а как много?» — допытывался вопрошавший. — «Составил указатель к житиям святых за полтора месяца», — был мой ответ. — «Ааа..» — тянул после этого недоуменно и неудовлетворенно мой собеседник и после небольшого раздумья прибавлял: «*Значит*, собственно, работа была черновая?» — «Да», — говорил я. Нужно ли говорить, что собеседник мой не только не понял меня, но и составил довольно определенное представление о незначительности моей работы, по крайней мере тоном своим давал почувствовать, что «многого» он не видит в моей работе.

Мои ответы были дерзки, и я наперед знал, что встречу явное непонимание. И все-таки не мог после такого разговора избежать чувства досады и даже некоторой боли сердечной. Так мать, думается мне, досадует и болеет за неправильное отношение к ее дочери.

Другим я отвечал то же самое, но иным образом. Я говорил, что да, с точки зрения количественной, моя работа может показаться слишком незначительной, но если взять во внимание качественную сторону дела, то наоборот, результаты получаются весьма значительные, ибо на основании имеющихся у меня материалов, — говорил я, — можно написать без труда ряд статей или даже исследование по самым насущным вопросам церковным и т. д. в этом роде. Тогда мой вопрошатель удовлетворенно, даже, как мне казалось, с затаенной завистью повторял: «Это хорошо. Это хорошо...» Такой взгляд на мою работу повергал меня в настоящую печаль.

Ужели публицистика, — думал я, — ценнее в глазах моего со-

беседника и подобных ему, чем указатель к нескольким десяткам житий? Должно быть, да. А по моему, указатель к одному краткому житию ценнее публицистики. Я боюсь публицистики, прихожу в страх, если помыслию, что может быть нечаянно, незаметно для себя вступаю на этот путь⁹³.

⁹³ Примеч. иером. Павла Волкова: «Здесь я считаю нужным сделать небольшое примечание. Дело в том, что я до самого последнего времени не выступал ни с печатным, ни с устным словом *публично*. Мне все казалось невозможным личное обращение к многообразию, к толпе, к коллективу. И я страшился подобного выступления, всячески избегая его. В первый раз я выступил с устным словом с церковного амвона 9 сентября 1917 г., когда мне исполнилось 30 лет без одного месяца (я родился 10 октября в 11 ч. дня). — выступил по благословению владыки Феодора в Даниловском монастыре за всенощной в храме Св.Троицы. Интересно настроение мое перед проповедью, во время ее и после. К проповеди я мало готовился. Владыка мне сказал только за 4 часа до всенощной. В это время был обед, чай и чтение канонів с акафистом. Но кое-какие мысли я наметил себе. Перед выходом я был несколько подавлен, как бы обременен. Вышел. Начал говорить. Сначала было неловко, не знаешь, кому говоришь. Но потом, когда увидел множество глаз, устремленных на меня, в которых была видна жажда слова, я постепенно овладел собой и даже почувствовал в себе не свою силу и власть произносить слова. И вообще всю проповедь сказал, будучи аки вне себя. После проповеди почувствовал сильное облегчение и какую-то радость. Словом, как мне кажется, я испытал то же самое, что испытывает рождающаяся жена. Только теперь я осязательно почувствовал, как нужно быть осмотрительным в выборе слов, как нужно быть внимательным и бдительным к себе! С другой стороны, вместе с облегчением после проповеди я почувствовал <пропуск>. Мне пришла на память кровля храма, а внизу шумящая толпа и голос, говорящий: “Верзись долу”. Мне представилось легким делом и заманчивым покорить толпу, увидеть ее у своих ног... Вот это-то меня и страшит.

Содержание проповеди: В начале сказал о пользе и необходимости всегда иметь в памяти жития и подвиги святых, особенно в переживаемое нами время, время устройств и переустройства жизни. Какова основа жизни святых и какова нашей? Пример первой явили воспоминаемые ныне мцц. Минодора, Митродора и Нимфодора. Кратко сообщил их житие и страдания. Основа их жизни — Христос, цель ее — общение со Христом, т. е. святость. Настоящая жизнь видимо уклонилась как от основы, так и от цели жизни святых. Однако хочется верить, что мутный поток времени пройдет вместе со временем, и река жизни русской войдет в настоящее свое русло, проложенное житием и подвигами святых. Пусть каждый заглянет в свою душу и определит основу и цели своей жизни и противостоянет общему потоку времени своим личным подвигом и тем самым <будет> способствовать общей цели русской жизни войти в свое русло. Пусть каждый из нас, имея перед глазами при-

Тебе, мой учитель, на вышепоставленный вопрос я отвечу иначе. Благодаря составлению указателя при твоей помощи я *воочию убедился в жизни терминов, слов*. Вот мое, как мне представляется, огромной важности приобретение или, лучше сказать, достижение духа. Что слова живы и действительны, об этом я давно знал, но знал так же, как, например, знал раньше о существовании Данилова монастыря в Москве, а теперь убедился в его бытии всеми моими пятью эмпирическими и лежащими под ними, или вернее — в основе их, мистическими чувствами. Перед моим взором оказались тысячи живых жизней. Благодаря этому новому мистическому восприятию и весь мир стал познаваться мною как-то по-новому.

7 сентября. Я стал мыслить по-новому. Я облегченно вздохнул, когда почувствовал свободу от того мутного и не свойственного мне наноса, который лучше всего назвать семинарщиной. Кандидатская работа была решительной борьбой, генеральным сражением между подлинным «я» и этим змием, вгнездившимся в меня. Стипендиатский год был временем учета результатов борьбы, окончившейся в мою пользу, временем укрепления занятых позиций, возвращения к мироощущению детства, о котором я сильно тосковал в годы семинарского пленения; памятником этой тоски служит оставшееся от 12-го года стихотворение, посвященное детству.

Признаком того, что победа осталась за мной, равно как и критерием истинности моего обновленного строя мысли и чувства я считаю живое сознание в себе настоящей необходимости *изучения терминологии*, каковое (сознание) явилось результатом того достижения духа, о котором я сказал выше. Не знаю, прав я или нет, но у меня сейчас решительно нет охоты *самому* строить силлогизмы; мне хочется собрать воедино возможно больше терминов и послушать, что они скажут. Они, как мне кажется, или подскажут отправные точки, или скажут окончательный ответ на поставленные вопросы. Иного характера работа для меня теперь неинтересна и скучна.

мер истинного жития в лице трех сестер, постарается <встать> на истинный путь и пережить все приключющееся ныне во имя Христово, тогда он не лишится и здесь утешения, и в будущей жизни награды от Бога, Которому слава во веки. Аминь».

Я знаю, ты скажешь: «Нельзя ли сказанное иллюстрировать конкретными примерами?» Для меня это сейчас затруднительно и не только потому, что не имею под руками собранного материала, но и потому, главным образом, что указанное достижение духа произошло под конец стипендиатского года. Многое для меня еще смутно, многое — просто неясно, а многое даже страшно. Я помню, как некоторые термины как бы открывали мои глаза, *вливали* в меня поток мыслей, вынести которые не могло мое дневное сознание. Я в испуге закрывал глаза и старался направить возникший поток в бессознательную область. Теперь еще рано для меня, чтобы принять и осознать их, достаточно пока принять. Пусть они (мысли) окончательно <неясно> в мысленной утробе, органически станут моими. Тогда и высказывание будет естественно и законно.

Вот то, что я хотел высказать тебе, учитель мой. Иного рода отчет по отношению к тебе я не мыслю.

Любящий тебя твой признательный ученик и <еромонах> Павел.

P.S. И настроение, и взятый тон письма властно нудили меня к обращению с тобой на «ты». Не знаю, почему. И это почти единственный случай.

21-го сентября 1917 года.

[6]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 29 января 1918 г.

Дорогой о. Павел!

Скоро будет месяц, как я живу у родителей, в заволжских лесах, в тех самых лесах, с которыми странным образом связано особое мироощущение церковное, особенный быт, пропитанный церковным *культотом*, особая духовная *культура*. Вы догадываетесь, что я говорю о старообрядчестве. Я окончательно убеждаюсь теперь, что старообрядчество воистину истинная стихия русского православия. В самом деле, в то время как наше, так называемое православие

не выдержало напора революции и в лице своих чад, главным образом, иерархии, частью растерялось, частью прямо изменило себе самому, старообрядчество в общем и теперь стоит твердо. Если же и на этом прочном фронте местами произошли прорывы, впрочем, не существенные, то вина в этом падает исключительно на нашу православную миссию противораскольническую. Я не знаю, говорили ли, что и как говорили славянофилы о старообрядчестве, но думаю, что истинным славянофилом нельзя быть помимо старообрядчества. Если они проходили мимо его, то в их мировоззрении, несомненно, есть существенный пробел, а может быть, нечто и не совсем ладное. Я знаю славянофильство поверхностно, в общих чертах, но в нем, как мне представляется, нет конкретности, оно слишком отвлеченно, шло оцупью и в своей отвлеченности необходимо сбивалось на рационализм, с православия на протестантизм. Между тем имелась и теперь есть налицо *целая органическая конкретная жизнь*, подлинно русская, воистину славянская, с подлинно церковным бытом, с духом воистину Святой Руси. Да, здесь Русь, здесь Русью пахнет. О быт старообрядчества, как волны моря о гранит, разбиваются другие волны яда европейской культуры. И на постоянных дворах, и в других местах я имел возможность наблюдать, как сквозь трещины «большевизма» била ключом старорусская жизнь с древним бытом церковным. На днях я заметил, что наша интеллигенция не имеет быта, ибо не имеет *культы*, имеет же лишь свои несчастные *убеждения*. Заметил я это и пришел в ужас. «Значит, интеллигенция, строго говоря, *антикультурна*», — подумал я. Как же издавна своею целью она поставляла просвещение народа, культивирование его? Тут-то я ясно сознал все ужасы современной жизни и прорывы даже на прочном фронте.

Прочел книгу Рудакова⁹⁴, написана крайне шаблонно, читать ее утомительно и скучно. Исследователи, указывающие на шаблонность житий, не замечают или не хотят заметить, что их произведения о житиях в тысячу раз шаблоннее предмета их исследования. Все твердят одно и то же; наперед знаешь, что и как будет сказано

⁹⁴ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

далее. Удивляюсь только, как им не надоест говорить одно и то же, как сорока про Якова. Но работа Рудакова имеет свою особенность. В ней есть *робкая* попытка возвыситься над шаблоном, но автор в бессилии всякий раз падает со своего возвышения и говорит большею частью самые шаблонные слова. Получается двойственное впечатление: не то он расхваливает и *ценит* агиографию, не то *надсмехается* над нею. Вероятнее последнее. Но тогда вся работа, кроме указателя в конце книги, сводится к нулю. Не понимаю, зачем тогда было нужно предпринимать эту египетскую работу.

Я думаю пожить еще дома; родители не отпускают, и самому не хочется в город. Подучиваю языки. Папа пишет свои воспоминания. Вся семья наша теперь в полном сборе. Все Вам кланяются, и всем Вашим домашним.

Поздравляю Анну Михайловну⁹⁵ с днем Ангела. Из городов поступают тревожные вести. Что-то, кажется, назревает, а, может быть, уже назрело? И в деревне начинается голод.

При случае передайте от меня поклон Василию Васильевичу⁹⁶; его образ часто почему-то и по разным поводам встает в моем сознании.

Любящий Вас и. Павел.

29-го января 1918 года.

[7]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 15 марта 1918 года

Дорогой мой о. Павел!

Я все продолжаю жить у своих родителей. Папа просит меня остаться на Великий пост, чтобы помочь ему в служении; действительно, служба великопостная здесь очень трудная; каждый день за службами нужно положить 1000 поклонов, к тому же еще и исповедь. Он человек уже пожилой и не совсем здоровый; хочется

⁹⁵ Анна Михайловна (1889—1973) — супруга священника Павла Флоренского.

⁹⁶ Василий Васильевич Розанов (1856—1919), с конца 1917 г. жил в Сергиевом Посаде.

помочь отцу, которому еще ничем и ни в чем не помогал. С другой стороны, и условия работы в Москве сейчас почти невозможные. Не знаю еще, чем решу, но мама не хочет меня отпускать, невзирая ни на что.

В монастыре нашлись Четии-Минеи и даже несколько житий рукописных с лицевыми изображениями. В этом отношении особенно интересно житие Василия Нового с хождением Феодоры по мытарствам и с Григориевым видением конца мира. На основании одних этих изображений можно написать целое исследование. Затем я нашел здесь рукописный канон Софии Премудрости Божией. Думаю, что он не был Вам известен, когда Вы писали письмо о Софии; теперь этот канон может быть известен Вам, ибо издан в 1913 году старообрядцами, но изданный старообрядцами несколько отличается от рукописного, в первом (печатном) недостает местами как раз самых интересных и энергичных выражений, которые есть в рукописном. Канон, на мой взгляд, весьма интересен; в нем проведены все те взгляды (существующие ныне) на Софию, по которым она то считается самостоятельной сущностью, то отождествляется с Иисусом Христом, то с Богоматерью, то с девственностью («девственных душа»). В иконе содержится описание иконы Софии Премудрости Божией. Я непременно спишу для Вас этот канон и передам при личном свидании. Я чувствую себя хорошо; в первый раз слушаю великопостные старообрядческие напевы, что приносит мне воистину духовное наслаждение. В пятницу на первой неделе служил Преждеосвященную литургию со всеми относящимися к ней службами. Без привычки устал порядочно. Как-то Вы поживаете? Давно я собирался послать Вам посылку, но сам все собирался ехать и потому откладывал. Теперь по настоянию мамы решил послать Вам. Тут всего понемногу: пшеничная мука, манная крупа, сахарный песок и колотый сахар, сухие грибы и сухари. Сухие грибы посылает от себя матушка Маргарита⁹⁷ (ее Вы видели у меня в

⁹⁷ Не она ли присутствовала в 1912 г. на съезде единоверческого духовенства в качестве игуменни Покровского монастыря г. Семенова? Впрочем, в монашеской среде имя Маргарита было довольно распространенным.

Академии) в благодарность за написанную Вами книгу «Столп и утверждение Истины». Вот Вам, о. Павел, образчик того, как книга Ваша, на «непонятность» которой жалуется студенты Академии, оказалась вполне доступной для человека, не получившего никакого образования.

Я никаких объяснений не давал ей, только посоветовал читать с конца, а когда спросил о прочитанном, то услышал весьма обстоятельный ответ, схематически изъясняющий содержание целого письма. Примите во внимание то, что матушка по философии ничего не читала, иностранных терминов вовсе не знает, кроме некоторых ходячих. Правда, она воспиталась на церковной службе, на житиях святых и отеческих творениях, читаемых в церкви. Это-то, вероятно, и делает возможным её понимание Вашей книги. Кроме того, она находит, что, например, письмо о дружбе нужно бы дополнить. Матушка шлет Вам и Анне Михайловне большой поклон, а Васе, кроме того, шоколадку. Другим Вашим детям от меня всем по шоколадке. Папа и мама, братья и сестры мои всем Вам кланяются. Напишите, о. Павел, если найдется свободное время! От меня передайте привет всем Вашим домашним.

Любящий Вас и <еромонах> Павел.

15-го марта 1918 года.

Получили ли мое первое отсюда письмо? На всякий случай мой адрес: с. Хохлома, Ниж<егородской> губ<ернии>, Семеновск<ого> у<езда>, в Осиновский женский монастырь⁹⁸.

P. S. Посылку посылал на почту два раза, и оба раза ее не приняли: чрез Москву и в Москву посылки не принимают. Письмо посылаю в том виде, как оно было написано в первый раз; переписывать не захотелось. Очень жалею, что не удалось Вам отослать посылку.

29-го марта 1918 г.

⁹⁸ Крестовоздвиженский Осиновский женский общежительный единоверческий монастырь образован в 1849 г. под влиянием П. И. Мельникова из старообрядческого Осиновского женского скита в Семеновском уезде Нижегородской губернии, рядом с деревней Хохломой. Ныне в запустении и о былом напоминает разве что 300-летняя сосна.

[8]

Иеромонах Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 17 июня 1918 г. (ст. ст.)

Дорогой о. Павел!

Знаю, что Вам некогда, но все-таки поджидал от Вас хоть несколько строк. Недавно из письма владыки Феодора я узнал, что Вы читаете в Москве лекции по «Философии культа»⁹⁹, и с большим успехом, и что Новоселов открыл богословские курсы. Я и раньше собирался в Москву, а при таких известиях меня потянуло туда еще сильнее. Да я уже был бы в Москве, если бы не заболел. В конце поста у меня заболел желудок; я перестал почти есть; образовалось малокровие и упадок сил. Пришлось ехать в Нижний к доктору, который нашел у меня сильное расстройство пищеварения и образовавшуюся на этой почве ослабленную деятельность сердца и легких. Сейчас начинаю поправляться, благодаря принятым мерам, но из-за этого пришлось отказаться от своего намерения — ехать в Москву. Думаю приехать тогда, когда силы восстановятся в достаточной мере.

Очень интересуюсь Вашими лекциями. Вы как раз даете то, отсутствие чего в интеллигенции я так недавно и так остро пережил. Не будет ли, о. Павел, свободной минутки написать мне о плане Ваших чтений и о проектируемой Вами Академии¹⁰⁰, хотя я думаю, что мы скоро увидимся. Я писал Вам несколько писем. Получили ли Вы их?

Я от Вас не получил ни одного письма. Пишу это для того, что, быть может, Вы и посылали, но письмо затерялось. Я посылал Вам еще две

⁹⁹ Лекции по «Философии культа» были прочитаны священником Павлом Флоренским в Москве с 14 мая по 15 июня н. ст. 1918 г. Необходимо отметить, что лекции включали в себя целый ряд тем, которые обсуждались, судя по письмам и воспоминаниям, священником Павлом Флоренским и иеромонахом Павлом (Волковым): учение об именах, Имя Божие, почитание Креста, старообрядчество, его быт и идеология, агиология, создание справочных пособий к агиографической и богослужебной литературе.

¹⁰⁰ Вероятно, имеется в виду «Проект религиозно-философской Академии в Москве», который был составлен священником Павлом Флоренским и С. Н. Булгаковым в июне 1917 г.

посылки почтой. Сильно сомневаюсь, чтобы их получили. Говорят, на почте посылки с продовольствием принимают, но не отсылают по назначению. Теперь вот представился хороший случай послать Вам кое-что: муки на пирог в Петров день, сахарного песку на варенье и обещанные давно шоколадки для Васи, Кати, Киры и Нины.

Занимаюсь, сколько возможно и сколько позволяют книжные средства, агиологией, читаю отеческие творения, готовлю к переэкзаменовке по арифметике Витю и сестренку по тому же предмету к поступлению в гимназию, гуляю, отчасти работаю в саду, купаюсь — вот обычный круг предметов, около коих сосредоточивается моя жизнь.

Мои родные по милости Божией здоровы и шлют Вам и всем Вашим по низкому поклону. В нашей местности — голод, едят дуранду <?> с картофелем, но и та 50 руб. пуд; вся надежда на урожай; крестьяне служат молебны и устраивают по полям крестные ходы. Сегодня я молебствовал в одной соседней деревне вместо папы, а он в другой.

Любящий Вас и <еромонах> Павел.
17 июня 1918 года.

[9]

Епископ Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 7 марта 1925 года (ст. ст.)¹⁰¹

Дорогой о. Павел!

Хочется и нужно Вас видеть. Вчера звонил Вам от Лосевых¹⁰², но ничего не добился. В Москве я буду во вторник, 11/24 марта. Оставьте записочку; утром во вторник по дороге с вокзала я заеду сюда и узнаю время, какое назначите.

7/III—25 года¹⁰³. Е<пископ> Павел.

¹⁰¹ Записка, оставленная епископом Павлом на одном из московских адресов, где в то время останавливался отец Павел Флоренский, вероятнее всего на квартире В. И. Лисева, недалеко от Ярославского вокзала.

¹⁰² Несомненно, речь идет о семье А. Ф. Лосева.

¹⁰³ Судя по дате, встречающейся в письме (11/24), оно датировано по старому стилю.

[10]

Епископ Павел (Волков) — священнику Павлу Флоренскому, 15 февраля 1927 года (ст. ст.)¹⁰⁴.

Дорогой о. Павел!

Только что вернулся из поездки по Уралу и Сибири и чрезвычайно был обрадован тем, что нашел у себя на столе Ваше письмо. Все его я не разобрал, но суть понял. Очень тронут Вашей памятью обо мне и заботливостью. Я тоже все время собирался Вам писать, тем более что мною было обещано послать Вам некоторые выписки о Кресте. Письмо откладывалось потому, что начиная с половины ноября собирался поехать в Москву, но обстоятельства постепенно как-то задерживали, а 27 дек <абр> я выехал на Урал и в Сибирь; вернулся 13-го февраля. В Москве я непременно буду на 3-й неделе В<еликого> поста. С Вами увижусь. Одновременно пишу и Шергину¹⁰⁵.

Еще раз благодарю Вас за память. Вам и Василию Иванович¹⁰⁶ шлю привет и благословение.

Душевно преданный Вам еп<ископ> Павел.
15 февраля 1927 года.

Вступительная статья, публикация текста и примечания
игумена Андроника (Трубачева) и В. Л. Шленова

¹⁰⁴ Конверта не сохранилось. Письмо датировано по старому стилю, т. к. 15 февраля по н. с. — праздник Сретения Господня, о чем было бы наверняка упомянуто в качестве поздравления.

¹⁰⁵ Шергин Борис Викторович (1893—1973), русский писатель-сказочник, старообрядец.

¹⁰⁶ Василий Иванович — вероятно, Лисев, друг священника Павла Флоренского, один из научных руководителей завода «Карболит» в 1920-е годы.